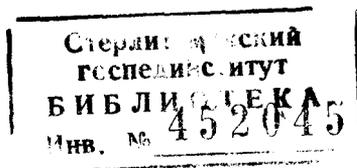

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

К. Ф. СМИРНОВ, Е. Е. КУЗЬМИНА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОИРАНЦЕВ
В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

*Глубоко уважаемому
Ю. А. Захарьевскому
в Кузьмице
Смирнов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1977

В работе на основании новейших археологических материалов степей Евразии эпохи бронзы (II тысячелетие до н.э.) рассматриваются происхождение и этническая принадлежность андроновской этнокультурной общности. Большое внимание уделено синхронизации и взаимовлиянию культур Северного Причерноморья, Поволжья и Казахстана. Специально анализируется вопрос о происхождении и роли конных колесниц в истории Евразии.

В работе широко использованы данные индоиранистики. В результате сопоставления лингвистических и археологических свидетельств подкрепляется гипотеза об отождествлении одной из групп индоиранцев с носителями андроновской этнокультурной общности и ставится проблема социальной дифференциации их общества.

Ответственный редактор

Н.Я.Мерперт

Издание осуществлено способом офсетной печати с оригиналов, представленных Институтом археологии АН СССР.

С 10602 - 298 БЗ-57-6-77 С Издательство "Наука", 1977 г.
042(02)-77

Работа К.Ф. Смирнова и Е.Е. Кузьминой посвящена анализу одного из основных вопросов истории населения евразийских степей эпохи бронзы - проблеме формирования андроновской этнокультурной общности и происхождения индоиранцев.

Используя новейшие археологические материалы (в том числе из своих раскопок), авторам удалось выявить новокумакский хронологический горизонт и с помощью тщательной классификации установить, что новокумакские памятники генетически связаны с алакульскими и представляют ранний этап развития андроновской культуры. Приведя большой сравнительный материал, К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина определяют хронологическую позицию новокумакского этапа второй четвертью II тысячелетия до н.э. и, главное, доказывают, что решающим в формировании андроновской культуры был западный импульс: влияние в Приуралье культур полтавкинской, абашевской и многоваликовой керамики.

Важнейшую роль в сложении андроновской культуры, согласно К.Ф.Смирнову и Е.Е.Кузьминой, сыграло распространение на новокумакском этапе коневодства и конной колесничной запряжки. Новокумакские псаали и колесницы они считают древнейшими в Старом Свете. Широко используя переднеазиатские письменные источники и данные индоиранистики, К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина ставят вопрос

об индоиранской принадлежности андроновцев и связывают появление конных колесниц в Передней Азии и Средиземноморье с влиянием населения евразийских степей.

Сопоставление лингвистических и археологических данных позволяет авторам внести важный вклад в решение индоиранской проблемы.

Привлекая, далее, свидетельства Ригведы и Авесты о выделении в среде индоиранцев в древнейшую эпоху особой социальной группы воинов=колесничих, К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина убедительно показывают связь захоронений новокумакского горизонта, содержащих колесницы, останки коней и богатый набор вооружения, с социальной дифференциацией у евразийского степного населения. В таком аспекте вопрос об общественном устройстве пастушеских племен степей в эпоху бронзы решается впервые.

Работа К.Ф.Смирнова и Е.Е.Кузьминой, ставящая важные исторические проблемы, имеет большое значение не только для археологов, но и для лингвистов и историков.

Н . Я . М е р п е р т

Вторая четверть II тысячелетия до н.э. была бурным периодом в истории Старого Света: в Египте – это время завоевания гиксосов, с которыми связано развитие в долине Нила коневодства, и время утверждения XVIII династии, при которой египетское искусство достигло высшего расцвета; в Передней Азии – это эпоха первого появления индоариев, распространения в царстве Митанни коневодства и боевых колесниц, ставших важной инновацией в военном деле Вавилона при Касситской династии; в Малой Азии – это эпоха возвышения Хеттского царства с его яркой своеобразной культурой, в которой впервые на Древнем Востоке утвердился культ коня; в Греции – это время создания ахейцами Микенской цивилизации, важным фактором которой было использование боевых конных колесниц.

Во второй четверти II тысячелетия до н.э. впервые на исторической арене Передней Азии и Средиземноморья существенную роль стали играть народы, говорившие на индоевропейских языках¹, – ахейцы, хетты и индоиранцы, и их имена появились в письменных источниках.

Вторая четверть II тысячелетия до н.э. была переломным моментом и в истории населения евразийских степей. В это время происходило формирование двух огромных культурных общностей – срубной и андроновской. Во второй половине II тысячелетия до н.э. андроновская общность охватила территорию от Урала до Западной Сибири, от зоны тайги на севере до вершин Памира и пустыни Каракум на юге. С этой культурой связано утверждение в степной Азии развитых форм производящего скотоводческого хозяйства, освоение металлургии бронзы, распространение конных колесниц, расцвет геометрического стиля в изобразительном искусстве. Достижения андроновской эпохи во многом определили развитие сакской культуры раннежелезного века в азиатских степях.

Между тем проблемы происхождения, этнической и социальной истории андроновцев все еще крайне далеки от разрешения.

В отечественной науке долгое время господствовала идея автохтонного развития андроновской культуры, связываемой с предшествовавшей ей в Западной Сибири афанасьевской культурой.

Переворотом в изучении культур бронзового века Казахстана и Сибири явились результаты антропологических исследований Г.Ф. Дебеца, который подчеркнул связь афанасьевского населения Сибири с носителями ямной культуры Восточной Европы и убедительно доказал отсутствие прямой преемственности между афанасьевцами и андроновцами, выдвинув тезис о том, что "население афанасьевской культуры ... было вытеснено из Минусинского края переселившимися с Запада ... носителями андроновской культуры" ² .

Эти идеи получили дальнейшее развитие на археологическом материале в работе С.В. Киселева, который показал, что материальная культура афанасьевцев – первых скотоводов Сибири – имеет много общего с ямной и катакомбной и "все культурные связи афанасьевцев были направлены на запад и юго-запад" ³ .

Прослеживая черты преемственности андроновской культуры с афанасьевской, С.В. Киселев в то же время подчеркивал тесное взаимодействие между андроновцами и срубниками и говорил "о широком внедрении на всем пространстве от Енисея до Урала новых, очевидно родственных между собой, этнических групп, способствовавших своим участием в историческом развитии окончательно сложению андроновской культуры" и установлению "в степях Евразии культурного единства" ⁴ .

Значение этих принципиально важных выводов Г.Ф. Дебеца и С.В. Киселева не было оценено должным образом.

В 50-е годы был поставлен вопрос об этнической принадлежности андроновцев. С.С. Черников первоначально был склонен считать их тюркоязычными, В.Н. Чернецов относил к угро-финской языковой группе. М.М. Дьяконов, И.М. Дьяконов, А.Н. Бернштам выдвинули гипотезу об индоиранской принадлежности носителей андроновской культуры. ⁵ Эта гипотеза вскоре получила всеобщее признание, хотя осталась недостаточно обоснованной. К.Ф. Смирнов установил генетическую связь носителей срубной культуры с ираноязычными савроматами, а К.А. Акишев выявил преемственность материальной и духовной культуры ираноязычных саков от андроновцев ⁶ . Однако утверждению идеи об индоиранской принадлежности носителей андроновской культуры препятствовала господствовавшая гипотеза об автохтонном происхождении андроновцев, находившаяся в резком противоречии с заключениями лингвистов о месте формирования индоиранцев.

Проблема социальной структуры андроновского общества была впервые поставлена С.В. Киселевым, обратившим внимание на появление в андроновскую эпоху богатых по инвентарю погребений и больших курганов, которые он связывал с представителями племенной знати ⁷ . Вопросами социальной стратификации общества скотоводческих племен евразийских степей в свете индоиранской традиции занималась и Е.Е. Кузьмина ⁸ .

Однако и до сих пор проблемы социального строя андроновцев, их этнической принадлежности и происхождения остаются дискуссионными. Чтобы рекон-

струировать структуру древнеандоновского общества по археологическим данным, совершенно недостаточно привлекать этнографические материалы типологически близких скотоводческих обществ, так как в сфере духовной культуры, в устройстве некоторых социальных институтов, особенно отчетливо проявляется этническая специфика коллективов, хотя и находящихся на примерно одинаковой ступени развития и ведущих сходный тип хозяйства, но принадлежащих к различным этносам. Для доказательства справедливости этого тезиса достаточно сравнить социальный строй африканских скотоводов банту и ведических ариев.

Прежде чем строить детальные реконструкции социальной структуры общества, необходимо установить этническую принадлежность его представителей, а для этого нужно определить генезис культуры, выявить слагающие ее компоненты и оценить роль каждого из них при формировании новой культуры.

Такая работа не может быть проведена без предварительной синхронизации тех археологических культур, взаимодействие которых служит стимулом сложения нового культурного образования. Поэтому мы постарались уделить особое внимание выявлению связей и установлению хронологического соотношения археологических культур степной и лесостепной зон Евразии. Богатую информацию об этом дают материалы Новокумакского кургана 25 в Приуралье, анализ которых положен в основу нашей работы.

Изучение памятников выделяемого новокумакского хронологического горизонта привело нас к выводу, что последний может рассматриваться как ранний этап развития андроновской культуры в Приуралье и Казахстане. Таким образом, исследование Новокумакского кургана 25 имеет большое значение для выяснения андроновской проблемы.

Новокумакский могильник, находившийся в 7–8 км к востоку от современного г. Орска Оренбургской обл. и насчитывавший более 70 курганных насыпей, исследовался Оренбургской экспедицией в 1958, 1959 и 1962 гг. под руководством М.Г. Мошковой¹, а в 1971–1974 гг. – той же экспедицией под руководством К.Ф. Смирнова². Ныне все курганы этого могильника целиком исследованы, а территория его вошла в черту города Орска.

Этот памятник – яркий и наиболее значительный курганный могильник ранних кочевников восточных районов Оренбуржья – содержал преимущественно захоронения кочевников савроматской (VI–V вв. до н.э.) и раннесарматской – прохоровской (IУ–III вв. до н.э.) культур³. Однако, как показали раскопки, курганы в этом районе возникли еще в эпоху бронзы. Несколько погребений относятся к алакульской группе андроновской культуры⁴.

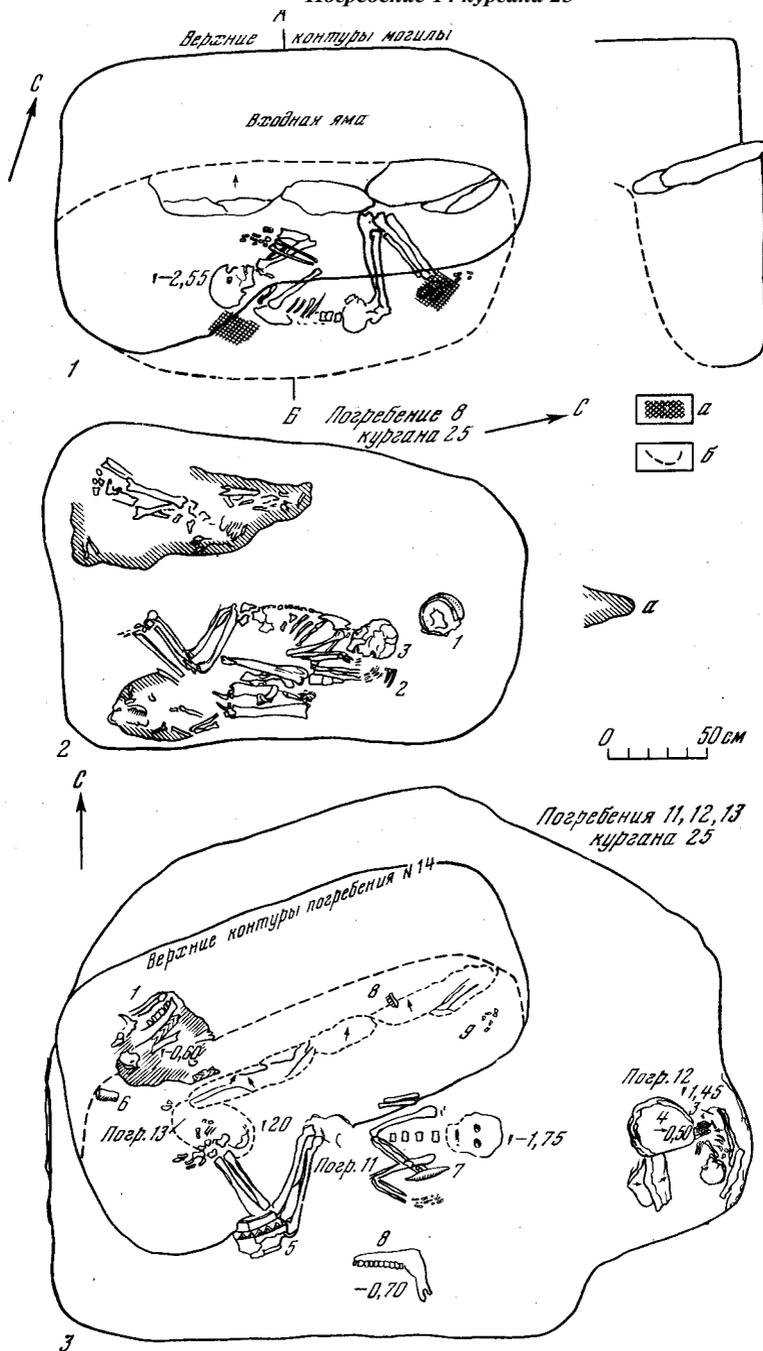
Самым древним курганом оказался курган 25, исследованный в 1973 г. Его погребальный комплекс уникален уже потому, что этот курган дал нам чуть ли не первое представление о культуре степей Оренбуржья времени до сложения алакульской группы памятников андроновской культуры.

Курганы, объединенные названием Новокумакский могильник, находились на землях с. Новый Кумак, или Кумачок, на правобережной, сравнительно ровной террасе р. Урал. Курганы здесь сосредоточивались отдельными небольшими группами⁵. Курган 25 помещался на самом краю террасы, где она склонялась к пойме Урала, около полевой дороги, идущей от Орска к пойме и к берегу Урала, и около полей Нового Кумака. Поблизости от него было еще два–три кургана, уничтоженных несколько лет тому назад глубокой распашкой.

Курган 25, насыпь которого не была тронута распашкой, имел высоту около 1 м и диаметр около 20 м. Его насыпь сильно оплыла к северу, т.е. в сторону склона террасы. Насыпь состояла из гумусированного суглинка разной плотности. В насыпи и на древнем горизонте встречались отдельные скопления камней, образовавшие нечто вроде неправильного кольца вокруг центра; некоторые из камней попали в ров (рис. I). Ров, целиком затянутый оплывшей землей, окружал курган со всех сторон с перерывами в виде неровных ям различной глубины (до 1,70 м от современной высоты кургана). Из него брали землю для насыпи кургана и, вероятно, неоднократно. В насыпи и во рву встречались обломки сосудов эпохи бронзы.

Погребение 14 кургана 25

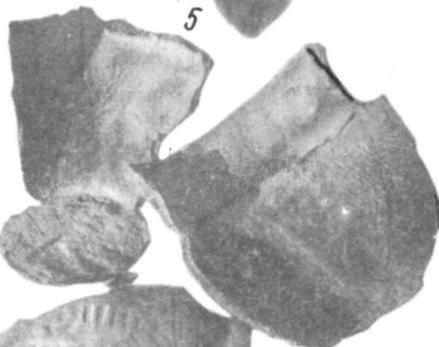
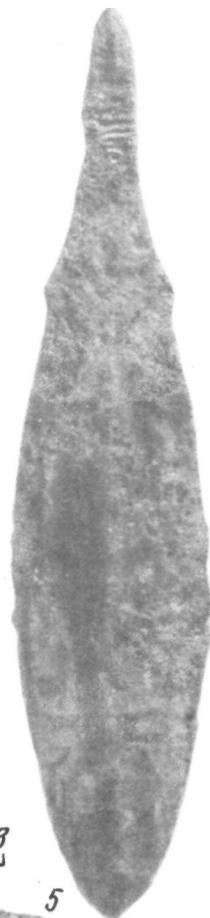
Центр кургана занимала самая глубокая подбойная могила 14, с которой связан выкид, прослеженный на древнем горизонте в широтном профиле кургана (рис.2). Контуры этой могилы вписались в большое могильное пятно в центре кургана, включавшее не менее четырех грунтовых могил (11–14). Более четкие контуры входного колодца погребения 14 выявились глубже впускной могилы 11. Входная яма логилы (2,4 x 0,9 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Она заполнена перемешанным плотным суглинком. В нем встретились мелкие гнилушки дерева от перекрытия, вкрапления коричнево-красной охры, обломки человеческого черепа и лопатка барана. Вход в подбой в продольной юго-восточной стенке входного колодца заложен тремя массивными плитами высотой до 0,70 м и толщиной до 0,12 м. Подбой забит плотным суглинком, не отличавшимся по цвету от грунта. Контуры подбоя удалось проследить только близ дна могилы. Сам подбой, вероятно, уже в древности обвалился. Дно его находилось глубже дна входной ямы на 10 см. Подбой, кажется, соответствовал по длине входной яме, его ширина была 1,10 м, а высота, судя по положению закладных плит, - около 0,70 м.

На дне подбоя на глубине 2,55 м от вершины кургана или 1,70 м от уровня древнего горизонта был похоронен крупный мужчина в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад (рис.2,1). Его руки были согнуты в локтях, а их кисти находились перед лицом. За затылком и в районе стоп могила была посыпана охрой. Вещей при погребенном не оказалось.

Вероятно, вскоре после погребения этого мужчины был похоронен ребенок - погребение 13, находившееся над подбоем или прорезавшее его на глубине 2 м от вершины кургана (рис. 2,3). От детского, костяка сохранились лишь отдельные кости, обломки черепа с молочными зубами. Судя по уцелевшим костям, ребенок был погребен в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток. Красная охра окрасила кости черепа. К тому же времени, видимо, можно отнести погребение 12. Могила 12, примыкавшая с востока к погребению 11 (рис. 2,3) была обставлена с двух сторон каменными плитами и сверху закрыта овальной плитой, похожей на большую зернотерку. Между плитами на глубине 1,45 м лежал в скорченной позе на левом боку, головой на юг плохо сохранившийся костяк ребенка с молочными зубами. Руки его согнуты в локтях, кисти - перед лицом; в ногах прослежена значительная посыпка красной охры.

Рис.2. Планы грунтовых могил кургана 25 Новокумакского могильника

1 - погребение 14: а - посыпка охры; б - контуры подбоя; 2 - погребение 8: а - граница скопления костей животных, 1 - глиняный горшок, 2 - бронзовое тесло, 3 - деревянная рукоятка тесла; 3 - погребения 11-13: 1 - кости коровы, 2 - челюсть коровы, 3 - охра, 4 - овальный камень, 5 - глиняный горшок, 6 - каменный терочник, 7 - бронзовый кинжал, 8 - челюсть и зубы коровы

Над погребениями 14 и 13 находилась большая грунтовая **могила 11**, со- оруженная явно после этих могил (рис.1). Могила в виде широкого прямоуго- льника имела длину по линии север-юг не менее 2,70 м, ширину - 1,50-1,60 м и глубину - 1,75 м. В засыпи могилы встречались гнилушки перекрытия, на нем были положены части туш крупного рогатого скота, главным образом ноги и головы (один череп - с рогами). Кости лежали выше дна могилы на 15-35 см. С перекрытия в засыпь могилы попал плоскдонный горшок, лежавший на боку над коленями погребенного (рис.3,4). Горшок высотой 19 см имел в глине примеси мелкого песка, талька и известковых частиц. Он сплошь орнаменти- рован: под отогнутым венчиком - три глубоких горизонтальных желобка; ниже по покатуму плечу - ряд заштрихованных ромбов, нанесенных отступающей лопаточкой; все тулово ниже смягченного ребра покрыто вертикально распо- женными зигзагами, образующими елочный узор. Четко виден лишь верхний зиг- заг, остальная часть тулова замыта, и орнамент расплывчатый. На дне моги- лы на подстилке темно-коричневого цвета, в некоторых местах посыпанной мелом, лежал костяк крупного мужчины на спине или слегка повернутый на ле- вый бок (от костей сохранился лишь тлен), с подогнутыми влево ногами, го- ловой на восток (рис. 2,3). Его руки согнуты в локтях, кисти - перед гру- дью. Правое предплечье лежало на левой плечевой кости. На кисти руки най- ден бронзовый нож-кинжал с листовидным клинком и плоским черенком длиной 19,5 см (рис.3,5). К кинжалу примыкали обрывки меха и грубой ткани от фут- ляра, а может быть, от одежды погребенного. В ногах близ западной стенки диоритовый пест-терочник цилиндрической формы длиной 12 см (рис.3,3). Оба его слегка выпуклых торца зашлифованы.

Северная половина могилы 11 явно была нарушена при сооружении поздней- ших могил или при перекопах с целью ограбления кургана в центре. Поэтому ее северные контуры оказались нечеткими. Эта могила, вероятно, содержала парное захоронение мужчины и женщины, лежавших валетом; судя по сохранив- шейся стопе взрослого человека, второй погребенный лежал скорченно головой на запад или северо-запад.

К северо-западному углу могилы 11 примыкала большая грунтовая **могила 8** (рис.1) того же времени. Могильная яма с неправильными контурами, напоми- нающими высокую трапецию, была ориентирована с севера - северо-востока на юг - юго-запад. Ее длина 2,40 м, максимальная ширина в южной части 1,60 м, глубина 1,14 м от дневной поверхности. Могила была перекрыта дере- вом - в ее засыпи встречались древесные гнилушки.

Рис.3. Инвентарь погребений 1, 8 и 11

1 - глиняный горшок; 2 - бронзовое тесло; 3 - диоритовый терочник;
4 - глиняный горшок; 5 - бронзовый нож-кинжал; 6 - отпечатки волося- ной основы внутри горшка; 1,2 - погребение 8; 3-5 - погребение 11;
6 - погребение 1

На дне могилы находился костяк крупного человека, вероятно мужчины, на левом боку, с согнутыми руками и ногами, головой на север - северо-восток (рис.2,2). Кисти рук помещались перед лицом. Перед животом на дне могилы лежали в куче крупные кости ног быка. Остальные кости быка и теленка образовали две кучи на дне могилы и выше, в засыпи, - между погребенным и северной стенкой могилы и в юго-восточном ее углу. Среди них - не менее двух черепов. Кости упали с перекрытия.

В головах погребенного стоял плоскодонный острореберный горшок с отогнутым венчиком (рис.3,1). Высота сосуда 19,5 см. В его глине примесь мелкой гальки и песка. Горшок сформован на матерчатой основе - внутри на дне видны затертые отпечатки грубой ткани - и орнаментирован рядом остроугольных наколов под бортиком и ребром плечика и оттисками прямого штампа, образующими елочный узор, идущий вертикально сплошь по всему тулову и горизонтально по бортику. Горшок был тщательно отремонтирован девятью бронзовыми скрепками. У кисти левой руки против лба покойника положено бронзовое плоское тесло длиной 9 см (рис. 3,2) с остатками деревянной Г-образной рукоятки.

Остальные семь погребений находились в насыпи или на уровне древнего горизонта, и контуры их могил не прослеживались. По отдельным чертам обряда и по керамике они составляли полное единство с последними двумя могилами, опущенными в грунт.

Погребение 1 (кольцо II юго-западного сектора, рис.1) находилось в насыпи около камней на глубине 0,75 м. Здесь стоял плоскодонный острореберный горшок высотой 15 см, вылепленный на основе, сплетенной из конского волоса. Четкие отпечатки сетки сохранились на дне и стенках сосуда (рис. 3,6). Глина - с примесью мелкой толченой извести и ракушки. Горшок сплошь орнаментирован отпечатками зубчатого штампа в виде двух рядов зигзагов - между двумя вертикальными бороздками того же зубчатого штампа в верхней части сосуда и такими же рядами зигзагов по тулову ниже ребра. Хорошо видны только два верхних ряда зигзагов, а остальные замыты водой (рис.4, 1,5). Вероятно, здесь было детское погребение, кости не сохранились.

Погребение 2 (центральная часть северо-восточного сектора, рис.1) находилось к востоку от двух скоплений камней на глубине 0,72 м. Здесь стоял плоскодонный острореберный горшок с отогнутым венчиком (рис.4,2). Высота сосуда 12,6 см. Выше ребра по верхней части тулова - оттиски прямого штампа в три-четыре ряда, образующие горизонтальный зигзаг. В глине - редкая примесь мелкой гальки и известковых частиц. Около горшка встречены мелкие кости барана и отдельные кости ребенка или подростка, среди которых и обломки черепа с зубами.

Погребение 3 (центральная часть северо-западного сектора, рис.1): на глубине 0,25 м сохранились остатки костей барана, в том числе и обломки черепа с зубами. Среди костей барана оказались мелкие обломки костей силь-

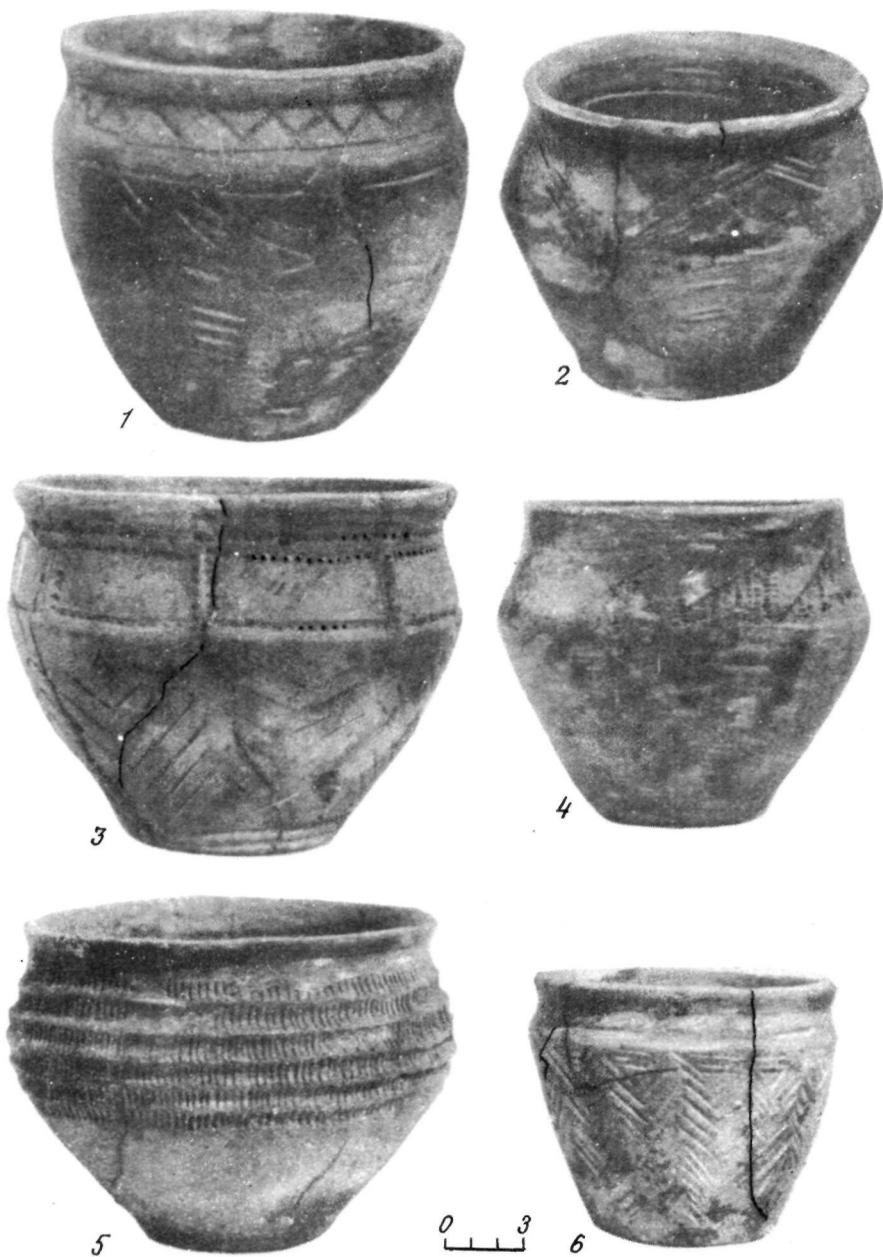

Рис. 4. Глиняные сосуды из кургана 25 Новокумакского могильника
1 - погребение 1; 2 - погребение 2; 3 - погребение 3; 4 - погребение 4; 5 - погребение 5; 6 - погребение 6.

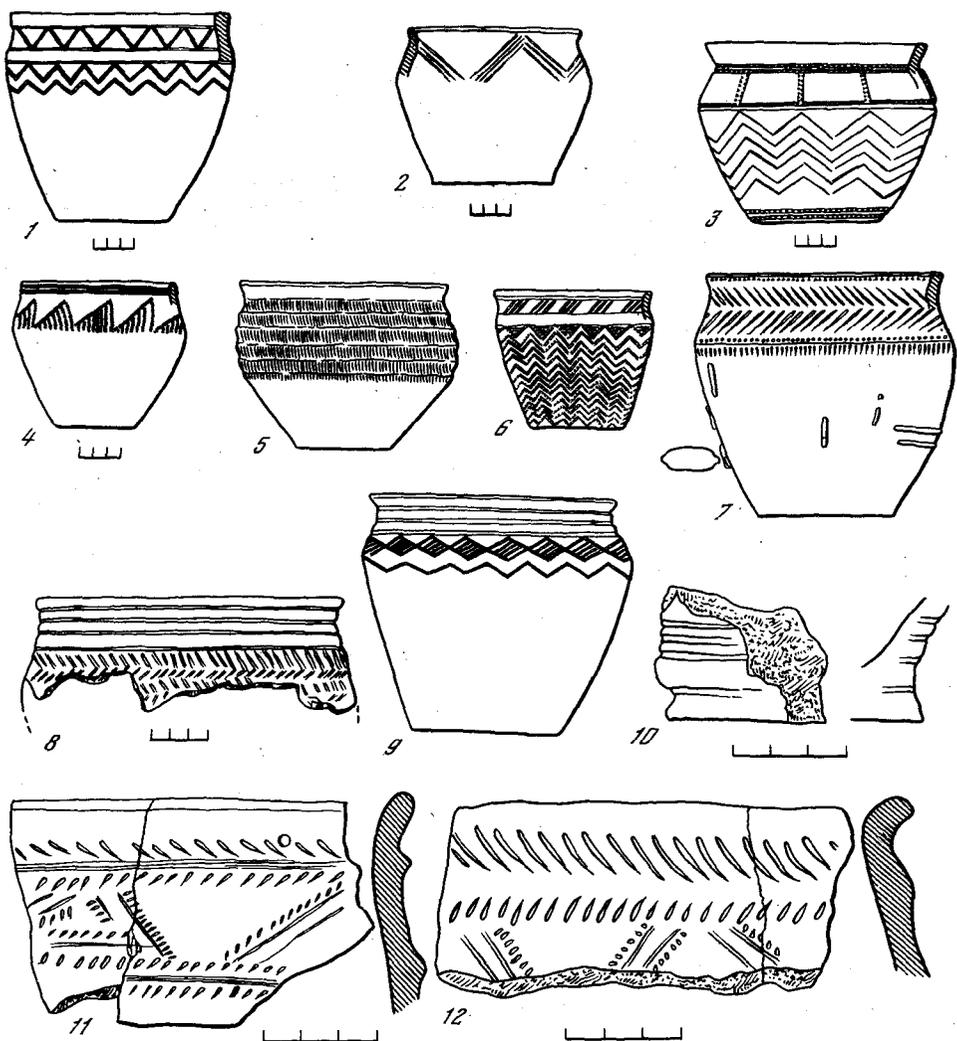

Рис. 5. Керамика из кургана 25 Новокумакского могильника

1 - погребение I; 2 - погребение 2; 3 - погребение 3; 4 - погребение 4; 5 - погребение 5; 6 - погребение 6; 7 - погребение 8; 8 - в районе погребения 9; 9 - погребение 11; 10-12 - насыпь кургана.

но истлевшего на столь незначительной глубине скелета ребенка, в том числе - черепа с зубами. Кости лежали по линии запад - юго-запад - восток - северо-восток. Около костей с запада стоял плоскодонный остроресберный горшок высотой 14 см с резко отогнутым воронкообразным бортиком

(рис. 4,3). Горшок красивого профиля украшен наклепными вертикальными валиками по верхней части тулова до ребра. Они находились между двумя глубокими горизонтальными желобками под бортиком и по ребру сосуда. Валики и желобки украшены рядами треугольных оттисков. Почти вся нижняя часть тулова сосуда орнаментирована рядами зигзагов прямого штампа. В глине много талька. Вся поверхность сосуда хорошо сглажена. Под венчиком просверлено семь отверстий для починки треснувшего сосуда.

Погребение 4 (центральная часть северо-восточного сектора, рис.1) находилось к северу от погребения 2 на глубине 0,98 м в овальной могиле с нечеткими контурами. На дне могилы плохо сохранились отдельные копти ребенка, лежавшего, вероятно, в скорченной позе головой на северо-запад. Здесь же находились кости барана, некоторые из них лежали на человеческих костях. В головах стоял плоскодонный острореберный горшок высотой 11,6 см, с прямым бортиком (рис. 4,4). В глине - небольшая примесь ракушки. Орнамент - имитация зубчатого штампа, нанесенного оттисками отступающей лопасти. Оттиски образовали два вертикальных ряда по верху бортика и ряд заштрихованных острых треугольников по плечу. Около обломков детского черепа найдена тонкая речная раковина.

Около этого погребения, чуть выше, на глубине 0,94 м, найдена нижняя часть плоскодонного горшка высотой 11 см. Горшок целиком не восстанавливается. В глине - примесь известковых частиц и шамота. По средней части тулова проведены горизонтально два желобка, третий такой же желобок шел у края бортика, судя по одному сохранившемуся фрагменту. Здесь, возможно, тоже было детское захоронение.

Погребение 5 (центральная часть юго-западного сектора, рис.1) находилось на глубине 0,52 м. Здесь стоял плоскодонный горшок с округлыми боками и широким устьем, похожий на чугунок, высотой 13 см (рис.4,5). В глине - примесь талька. Верхняя часть тулова орнаментирована широкими и глубокими горизонтальными желобками, образующими пять четко выступающих ребер; желобки покрыты тонкими вертикальными оттисками ногтя или ракушки. На нижней части тулова сильно заметны оттиски, образующие елочный узор.

Погребение 6 (там же, над могилами 8 и 11) находилось северо-западнее погребения 5 на глубине 0,35 м. Здесь обнаружены отдельные кости детского скелета. Сохранились обломки черепа с зубами. К юго-востоку от скопления костей ребенка и барана стоял плоскодонный острореберный горшок высотой 11 см (рис. 4,6). Он сформован на матерчатой основе, как и горшок из погребения 8. По форме он близок сосуду из большой могилы II. Горшок сплошь орнаментирован оттисками зубчатого штампа: выше ребра - косыми тройными оттисками между двумя горизонтальными бороздками, ниже ребра - равнобедренными треугольниками вершинами вниз, а ниже - рядами зигзагов, образующих горизонтальные ряды елочек.

Погребение 7 (в том же секторе, между погребениями 10 и II, около группы небольших камней) относилось, вероятно, к тому же времени, что и описанные погребения эпохи бронзы. Здесь, на глубине 0,70 м, находились кости скелета младенца, поза которого не установлена. Вещей при нем не было.

Итак, древнейшее погребение кургана совершено в могиле с подбоем, или типа катакомб эпохи бронзы евразийских степей. Еще одна древняя могила с подбоем, кроме описанной могилы 14, была обнаружена Оренбургской экспедицией 1964 г. в западных районах Оренбургской обл. - в Илекском р-не у с. Герасимовка, на левом берегу долины р. Кинделя. Эта могила являлась основным грунтовым погребением небольшого земляного кургана полусферической формы высотой 0,82 м при диаметре 24 м. Могила оказалась нарушенной. В плане она имела округлую форму, подбой обвалился. В северной части могилы на глубине 1,55 м был уступ шириной до 1 м и высотой 15 см. Могила по дну, включая входной колодец и подбой, имела прямоугольную форму длиной в меридиональном направлении 3,30, шириной 3 м. На дне отмечен темный тлен от органической подстилки толщиной до 1 см, на некоторых участках дна встречались следы какого-то белого тлена (от травы или тростника). Подбой, или катакомба, прослеживался в нижней части по южной и западной стенкам, где они образовывали свод, забитый желтой глиной, как и в могиле 14 Новокумакского могильника. Форма могилы, конечно, сильно нарушена грабителями, но явная сводчатость стенок и ступенька в северной части могилы не оставляют сомнения в том, что могила имела сводчатую камеру. У южной нависающей стены на темной подстилке лежали *in situ* кости ног взрослого человека, срезанные при ограблении ниже колен. Судя по ним, покойник лежал головой на север или скорее на северо-восток с подогнутыми вправо ногами. Кости ног были интенсивно окрашены в красный цвет. Слой охры отпечатался даже на подстилке под этими костями. В засыпи и на дне могилы найдены почти все кости взрослого человека и ребенка, многие окрашены охрой. Среди костей встречен кварцитовый скребок. Захоронение в Герасимовской "катакомбе" было парным.

В том же могильнике в кургане 8 открыто одно погребение с подбоем (8). Два неясно описанных погребения с уступом (7) и "углублением-тамбуром" (I) обнаружены в кургане I могильника Спасское I⁹.

Стратиграфические наблюдения позволяют выделить в Новокумакском кургане 25 два хронологических горизонта: более древний, к которому принадлежат основное катакомбное погребение I4 и два детских погребения I3 и I2, и более поздний, представленный двумя взрослыми могилами II и 8 и не менее чем семью детскими захоронениями.

Материалы второго хронологического горизонта (который мы в дальнейшем будем называть новокумакским) имеют принципиальное значение для синхронизации памятников эпохи бронзы Приуралья и выяснения генезиса андроновской культуры.

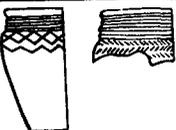
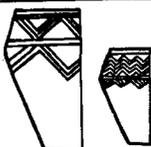
В свете яркого новокумакского комплекса удастся пересмотреть некоторые ранее известные памятники Приуралья и Казахстана и выявить особый тип памятников среди культур этого региона (рис.6; 7). К новокумакскому типу на западе андроновского ареала близки по времени, вероятно, некоторые древнейшие захоронения уже упомянутого могильника Герасимовка I на р.Кинделя¹. Они характеризуются большими размерами могильной ямы, ориентированной на северо-восток, на дне которой есть охра и меловая подсыпка, а на перекрытии — черепа и ноги быков. Погребенные лежат в скорченной позе на боку или на спине, с поднятыми коленями. Вокруг центральных захоронений взрослых в небольших ямах погребены дети. При умерших положены желобчатые браслеты, просверленные клыки животных. Сосуды содержат примесь раковины, шмота и песка. Среди массы погребений, содержащих керамику кожумбердынского и срубного типов, выделяются могилы, в которых найдены горшки, по форме приближающиеся к новокумакским с коротким венчиком и уступом, и остророберные, украшенные зигзагом, ломаными и вертикальными лентами, треугольниками, иногда с горизонтальной штриховкой. Обращают на себя внимание сосуды с веревочным, накольчатым и гусеничным узором, сохраняющие традиции энеолитической керамики.

Ближайшие аналогии новокумакский комплекс находит в памятниках Уйско-Увельского региона. В двух курганах у г. Троицк открыты захоронения в больших (2,9 x 2,2 и 2,4 x 2 м) могильных ямах, ориентированных с запада на восток, содержащих одиночные погребения взрослых. При умерших положены кости коровы и скелет лошади, на дне могилы — меловая подсыпка. Сосуд из кургана 4 с низким венчиком и сплошным орнаментом до дна очень близок новокумакскому из погребения I, другой сосуд — с абашевскими чертами².

Памятник	Большая могила	Мел	Черепки и кости животных	Шаблон	При-месь	I тип
Новый Куман	•	•	•	•	Раковина, тальк, шамот, песок, известь	
Герасимовка	•	Слюда	•		Раковина, шамот, песок	
Троица	•	•	Скелеты коней		Слюда	
Степное	•	•	•	•	Раковина тальк	
Синташта	•		Скелеты коней			•
Царев курган	•			•	Раковина	
Раскатица		Детский мавзольник	Скелеты коней	•	Слюда, тальк, шамот	
Петровка			Озера	•	•	Раковина, слюда, шамот, песок
Ново-никольское		Поселение	•	•	Раковина, слюда, шамот, песок	

Рис. 6. Памятники новокумакского типа Приуралья и Казахстана

К е р а м и н а

II тип	III тип	IV тип	V тип	прочие
				
				
				
				
●		●		●
				
				
				
				

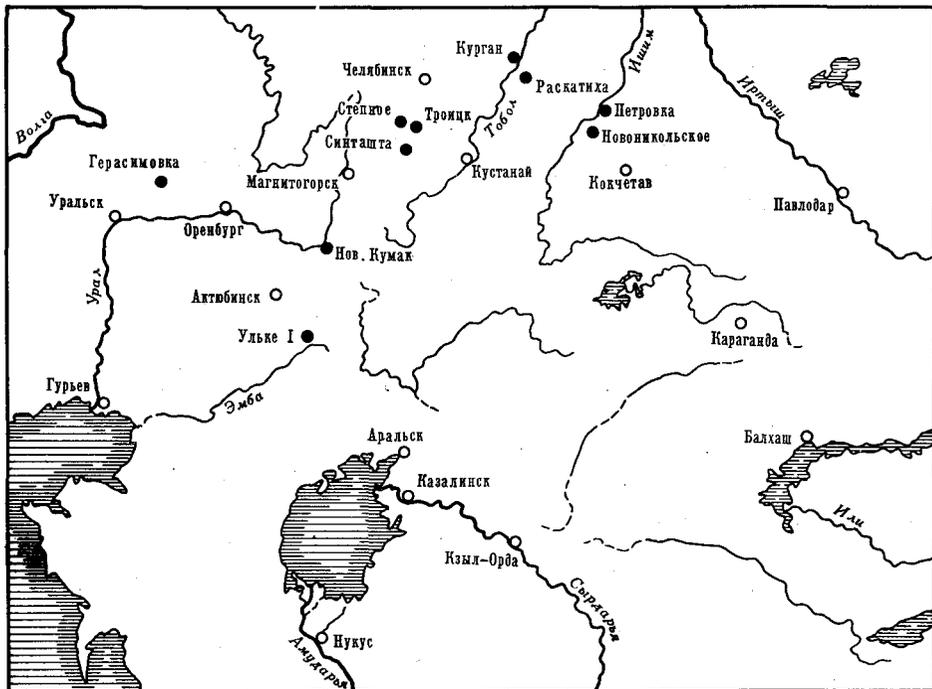

Рис.7. Распространение памятников новокумакского типа в Приуралье и Казахстане

К тому же типу относятся некоторые захоронения в могильнике Степное I³. Могильные ямы здесь также отличаются большими размерами (2,8-3,7 x 1,8-2 м), на дне - меловая подсыпка, на деревянном накате положены кости домашних животных, чаще всего - черепа и кости быков и коней, иногда овец. Особенно интересна керамика. Часть сосудов изготовлена на матерчатом шаблоне и содержит в глине примесь талька или раковины. Многие горшки составляют аналогию новокумакским: горшку из новокумакской могилы 2 близки по форме сосуды из кургана 2⁴, сосуду с налепными валиками из новокумакского погребения 3 - горшки с валиком и елочным узором до дна из кургана 4⁵. Интересны также сосуды с валиками и горшки с коротким венчиком, украшенные вертикальными косыми лентами или елочным орнаментом, разделенным вертикальными линиями⁶. Они находят аналогии в других синхронных памятниках новокумакского хронологического горизонта. В комплексе Степного представлены также сосуды с ярко выраженными абашевскими чертами, что дало основание В.С. Стоколосу сделать вывод о сильном воздействии носителей абашевской культуры⁷.

Судя по деталям обряда, к тому же типу относятся погребения в могильнике Синташта I. Они совершены в больших могильных ямах и сопровождаются головами и ногами коней, быков или баранов, а иногда также конскими скелетами (от двух до семи при погребении). В пяти могилах найдены боевые двухколесные колесницы с десятью спицами в колесе. Погребенные лежат на спине, с подогнутыми ногами, или в скорченной позе на боку.

В могилах найдены копьа с несомкнутой втулкой, вислообушные топоры с бойками, ножи с обособленной рукояткой, крючки, дисковидные костяные пса-лии с шипами, кремневые стрелы с коротким черешком, клыки кабана, каменные песты и булавы, медные браслеты и перстни со щитком с S-видной спиралью, покрытые золотом височные кольца в полтора оборота, нагрудный убор из серебряных пластин, обойм и бисера ⁸.

Синташтинская керамика представлена сосудами абашевского типа, "горшками с острым ребром и наклепными горизонтальными и вертикальными валиками", "горшками низких пропорций с попарно расположенными на плечиках наклепными шишечками" и сосудами, по форме и орнаменту близкими алакульским.

Рядом с могильником Синташта I находится могильник Синташта II, содержащий аналогичный комплекс, включающий бронзовые тесла, ножи, копьа, стрелы, каменные стрелы и булаву и костяной дисковидный псалий ⁹.

Хотя материал полностью еще не издан, даже на основании предварительной публикации можно с уверенностью сказать, что синташтинский комплекс составляет ближайшую аналогию новокумакскому. Одинаковы такие отличительные признаки, как большие размеры ямы, положение погребенных на спине и на боку, обычай класть при погребении черепа и ноги домашних животных, металлические изделия, в том числе ножи и тесла. Обращает на себя внимание сочетание в едином комплексе сосудов, близких алакульским, абашевским и особенно специфичных для этой группы памятников Приуралья сосудов с наклепными горизонтальными и вертикальными валиками и шишечками. Все это служит надежным основанием для синхронизации новокумакского и синташтинского комплексов.

Далее на восток памятники новокумакского типа представлены на Тоболе. Под насыпью огромного Царева кургана в г. Курган открыто погребение IO ¹⁰. Это большая (3,5 x 2 м) могила, на перекрытии которой положены черепа и ноги шести быков, двух овец и коня, а рядом еще части туш других животных. В могиле найдены кремневая стрела и керамика: украшенный валиками горшок с ребром и горизонтально заштрихованными треугольниками, подобный сосуду из новокумакского погребения 3, и фрагменты сосудов с примесью раковины в тесте с горизонтально заштрихованными высокими треугольниками абашевского типа, что и побудило К.В.Сальникова отнести могилу к абашевской культуре.

В нескольких других могилах Царева кургана обнаружены сосуды, также сопоставимые с новокумакскими: они имеют низкий венчик, подчеркнутое ребро

ча плечике и украшены вертикальным или горизонтальным елочным орнаментом, зигзагами, ромбами и горизонтально заштрихованными треугольниками II. К сожалению, нет данных, чтобы судить о стратиграфическом соотношении этих погребений с богатой алакульской могилей 7, содержавшей топор сейминского типа, нож и украшения из пресверленных клыков животных.

Около г. Курган известен еще один памятник с керамикой, аналогичной новокумакской. Это детский бескурганый могильник Раскатиха II². Здесь открыты черепа и ноги коней и баранов, два конских скелета. Керамика изготовлена с примесью талька, слюды и шамота, один сосуд сформован на матерчатом шаблоне. Типичны сосуды с низким венчиком, украшенные ромбами, зигзагами или горизонтальной "елочкой" и горизонтально заштрихованными треугольниками, и банки=стаканы с елочным орнаментом. Интересны сосуды с валиками и желобками, аналогичные по форме новокумакскому из погребения 3. Есть также сосуды абашевского типа.

Комплексы, близкие новокумакскому, известны и далее на восток - в Пришимье III³. Это бескурганый детский могильник Петровка, подобный могильнику в Раскатихе. Здесь в небольших ямах вместе с костями баранов обнаружена посуда с низким венчиком, уступом на высоко поднятом плечике или с подчеркнутым ребром и отогнутым венчиком, покрытая зигзагами, треугольниками и елочным узором, иногда разделенным вертикальными линиями. Посуда изготовлена с примесью раковины, шамота и слюды, иногда на матерчатом шаблоне.

Аналогичный керамический комплекс выявлен на пришимских поселениях Боголюбово IV⁴, Петровка II и Новоникольское I⁵. Особенно интересен последний памятник, т.к. там раскопками на большой площади сделаны бесспорные стратиграфические наблюдения: рвы и жилища 9 и 10, содержавшие керамику петровского типа, перекрыты культурным слоем с керамикой алакульского типа, прорезанным позднебронзовыми жилищами с керамикой ильинского (ивановского) типа с наклепными валиками. В жилищах и во рвах, в зольниках поселений вместе с сосудами петровского типа обнаружены ритуальные захоронения черепов и ног крупного рогатого скота, лошадей и баранов, аналогичные жертвенникам в курганах новокумакского типа. С петровским слоем связаны и заготовки костяных дисковидных псалиев с шипами.

Итак, на обширной территории Приуралья и Казахстана выделяется группа памятников, характеризующихся устойчивым сочетанием ряда признаков погребального обряда и керамического комплекса, что позволяет рассматривать их как особый новокумакский этап развития культуры бронзового века (рис. 7).

Погребения новокумакского этапа характеризуются большими размерами могильных ям, наличием в западной части ареала меловой подсыпки, широким распространением ритуальных захоронений черепов и ног лошадей или быков и изредка баранов (главным образом при захоронениях детей).

Распространен обычной класть в могилы довольно богатый набор инвентаря, включающий ножи, тесла, топоры, каменные стрелы, просверленные клыки животных, костяные псаии и пр.

Керамика новокумакского этапа изготовлена ленточным способом, иногда с применением матерчатого шаблона, и содержит в глине примеси раковины, шамота, слюды и иногда талька. Формы керамики разнообразны (рис. 5;6). Ведущим, наиболее характерным типом являются сосуды с низким венчиком, отделенным резким уступом от прямых стенок, суживающихся ко дну. Отношение высоты верхней части к общей высоте сосуда составляет 1:4-6, дно относительно широкое (более половины ширины сосуда). В Новокумакском могильнике сосуды этого типа имеют довольно вытянутые пропорции: диаметр венчика меньше высоты горшка. На востоке ареала сосуда более приземисты: диаметр венчика больше высоты.

Второй тип керамики составляют биконические сосуды, у которых ребро проходит в верхней трети высоты.

К третьему типу принадлежат горшки с широким дном, раздутыми боками с округлыми плечиками и слегка отогнутым наружу или утолщенным венчиком.

К четвертому типу относятся своеобразные горшки, имеющие резкий перегиб в верхней трети высоты и резко отогнутый наружу раструбом или высокий прямой венчик. По горлу, плечикам и часто у дна этих сосудов проходят желобки-каннелюры и наклепные валики, подчеркивающие конструктивные особенности сосуда. Иногда на плечиках этих сосудов расположены вертикальные валики или шишечки.

Пятый тип - миниатюрные банки конической формы с прямыми стенками и прямо срезанным венчиком.

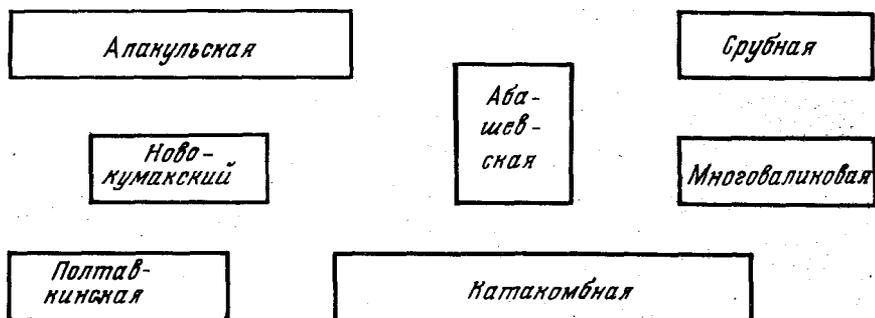
Наряду с сосудами этих типов, которые мы считаем характерными для новокумакского горизонта, в каждом могильнике встречены сосуды индивидуальных форм, а на ряде памятников найдены типичные абашевские горшки.

Преобладающими мотивами узора на сосудах всех типов являются зигзаг, горизонтальная и реже вертикальная "елка", равнобедренные и реже прямоугольные треугольники, иногда горизонтально заштрихованные. Специфичны узоры в виде вертикальной "елки", разделенной вертикальными линиями, и в виде ломаных линий, спускающихся от плечика к дну лентами.

На дне некоторых сосудов помещена свастика.

Орнамент нанесен гладким или зубчатым штампом, в единичных случаях - перевитой веревочкой, раковинной, гусеничным штампом. Широко используются каннелюры.

Каково хронологическое соотношение памятников новокумакского типа с памятниками других культур бронзового века? Как уже говорилось, в Новокумакском кургане 25 основным было погребение катакомбное, а захоронения новокумакского культурного горизонта - более поздние. Отличия их, пролеживаемые в погребальном обряде и керамике, от типично алакульских погребений в этом и других могильниках указывают на разновременность алакульских и новокумакских комплексов. Бесспорные стратиграфические данные о соотношении новокумакского и алакульского комплексов получены Г.Б.Здановичем на поселении Новоникольское I в Приишимье, где рвы и жилища с новокумакской (петровской) керамикой перекрыты алакульским культурным слоем. Те же стратиграфические наблюдения сделаны В.С.Стоколосом в могильнике Степное I, где алакульские захоронения впущены в более древние курганы, которые мы считаем возможным относить к новокумакскому культурному горизонту. Таким образом, новокумакский горизонт предшествует алакульскому и следует за катакомбным (рис. 8).

Рис.8. Схема хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья и сопредельных областей

По мнению А.Д.Пряхина, на поселении Синташта, возможно связанном с Синташтинским могильником, в верхней части культурного слоя преобладает алакульская керамика, в нижней - посуда, которую он считает абашевской,

а также керамика, украшенная налепными валиками и шишечками. Последний факт очень важен, так как подобная орнаментация, которую мы считаем возможным связывать с влиянием культуры многоваликовой керамики (см. ниже), составляет специфическую особенность сосудов четвертого типа новокумакских памятников. Однако впредь до полной публикации тщательно классифицированных синташтинских материалов говорить о них нецелесообразно.

В могильниках Уйско=Увельского и Тобольского регионов в закрытых комплексах совместно с посудой новокумакских типов обнаружены типично абашевские горшки с округлым плечиком и резким ребром на плечике и специфичным абашевским венчиком с воротничком=напльвом или с резко отогнутым сложно профилированным венчиком, орнаментированным по внутреннему краю. Они украшены горизонтальными и волнистыми линиями, фестонами, свисающими остроугольными треугольниками. Такие абашевские сосуды найдены в погребениях у Троицка, в Степном, Цареве кургане, Раскатихе, Синташте, а также на поселениях Пришимья Петровка и Новоникольское I. Абашевским влиянием можно объяснить появление в керамике других памятников сосудов с округлым плечиком и нависающим отогнутым венчиком, волнистого орнамента, горизонтальной штриховки треугольников и пр. Совместные находки в закрытых комплексах новокумакской и абашевской керамики служат надежным основанием для синхронизации новокумакского горизонта и абашевской культуры². Хронологическая позиция последней среди культур бронзового века Евразии определяется по находкам абашевского импорта и многочисленным стратиграфическим наблюдениям.

На поселении Береговское I в Башкирии К.В.Сальниковым было установлено, что абашевский слой перекрыт срубным, содержащим алакульскую керамику³. Новые раскопки на Береговском I поселении подтвердили правильность этих наблюдений. В относящемся к поселению Береговском могильнике основными являются абашевские могилы, впускными – алакульские⁴. Стратиграфия памятников у с. Береговка подкрепляет вывод о хронологической последовательности новокумакских (синхронных абашевским) и алакульских (синхронных срубным) памятников. Интересно, что в абашевском слое на поселении Береговское I, как и на поселении Синташта, найдена керамика, орнаментированная налепными валиками и шишечками – декором, специфичным для новокумакской посуды четвертого типа. (Она была выделена К.В.Сальниковым и показана нам еще в 50-е годы, но не могла быть тогда интерпретирована.)

На уральских поселениях Береговское II, Урняк и Набережное I абашевская керамика преобладает в нижней, а срубная – в верхней части слоя⁵. То же хронологическое соотношение культур прослеживается и в других районах. В Поволжье на поселениях Перикса, Барки, Красные Пески и Суруш⁶ срубная посуда преобладает в верхней, а абашевская – в нижней части культурного слоя, возраст которого на поселении Суруш датируется находкой заготовки дисковидного псаля. К сожалению, количественные подсчеты распределения

типов керамики по слоям не приведены, поэтому нельзя оценить, насколько они статистически значимы.

Гораздо большие по объему материалы получены в Подонье. В нижнем слое на поселениях Шиловское, Воронеж, Воронежское Левобережное, Усманка 2 в комплексе с абашевской найдена посуда катакомбной и многоваликовой культур, выше - смешанная срубно-абашевская. Абашевский же слой на поселениях Шиловское, Мосоловское, ВОГРЭС, Чижовское 4, Усманка 2 перекрыт срубным слоем. Особенно важны данные Шилсвского и Мосоловского поселений, где прослежена стратиграфическая последовательность жилищ; Сокольского, где слои различаются по цвету; Чижовского 4, где они разделены стерильной прослойкой, а также Тавлыкаевского поселения, где абашевский слой перекрыт срубным погребением ⁷.

То же соотношение выявлено в результате раскопок многослойного поселения Ильичевка на Северском Донце: нижний культурный слой, содержащий абашевскую и многоваликовую керамику, прорезан раннесрубным жилищем У, а на других участках поселения установлена последовательная смена абашевско-многоваликового горизонта раннесрубным, последнего - сабаатиновскими, в свою очередь перекрытыми белозерским ⁸. Для установления хронологии выделенных в Ильичевке горизонтов принципиальное значение имеют находки в сабаатиновском горизонте II псалиев типов III и IV по К.Ф.Смирнову, близких типу Борияш в Венгрии, датирующихся XIII-XI вв. до н.э., а в раннесрубном горизонте - костяной бляхи с микенским орнаментом и желобчатого псалия типа I по К.Ф.Смирнову, близкого типу Фюзешабонь Венгрии, датирующемуся по уточненной хронологии XV-XIV вв. до н.э. ⁹.

В нижнем горизонте Ильичевки около половины керамики составляют абашевские сосуды с примесью раковины, в том числе горшки с раструбообразным горлом и горшки колоколовидной формы. Абашевская керамика залегает в одном слое вместе с биконическими сосудами, украшенными типичными для многоваликовой культуры налепными валиками, а также с керамикой смешанных типов (абашевский сосуд с налепами) ¹⁰, что указывает на частичную синхронность многоваликовой и абашевской культур.

Так же, возможно, следует интерпретировать и материалы поселения Капитаново, где в нерасчлененном слое сочеталась раннесрубная, абашевская и многоваликовая керамика и псалии I типа по К.Ф.Смирнову ¹¹.

Наблюдения над последовательностью культурных слоев на поселениях надежно подтверждаются стратиграфией могильников.

Как уже отмечалось, в Береговском могильнике в Башкирии основными были абашевские могилы, впускными - алакульские ¹². В Старо-Ябалаклинском могильнике на Урале насыпь срубного кургана перекрыла более древнюю абашевскую ¹³, в могильнике Старо-Юрьево над основным абашевским погребением с костяными псалиями найдены срубные сосуды, а в могильнике Сады основными в курганах были абашевские могилы, впускными - срубные ¹⁴.

Для установления соотношения сейминской и абашевской культур важна находка в Поволжье абашевской керамики в сейминском Решенском могильнике и посуды, близкой абашевской и полтавкинской в сейминском Соколовском могильнике ¹⁵. Находки абашевской посуды в могильниках Кондрашовка и Нижняя Ведуга в Подонье ¹⁶ позволяют частично синхронизировать абашевскую культуру с культурой многоваликовой керамики.

Нижняя хронологическая граница абашевской культуры устанавливается стратиграфией Ильменских курганов, где основными, как правило, являются погребения катакомбные (в одном из них найден сосуд с полтавкинским орнаментом), погребения культуры многоваликовой керамики или впущены в катакомбные, или (реже) основные, одно абашевское погребение впущено в курган катакомбной культуры, все срубные захоронения впускные ¹⁷. Таким образом, древнейшие здесь – катакомбные могилы, синхронные полтавкинской культуре; к следующему хронологическому горизонту принадлежат погребения культуры многоваликовой керамики и абашевские, а позднейшие – срубные, что согласуется с данными Новокумакского кургана ²⁵.

В новокумакском горизонте выявляются следы сильного воздействия культуры многоваликовой керамики, выделенной С.С.Березанской ¹⁸. В материалах этой культуры находят ближайшие аналогии новокумакские сосуды четвертого типа с раструбообразным горлом и перегибом на плечике и с подчеркнутыми налепными валиками (рис.9). Только на керамике этой культуры известна орнаментация вертикальными валиками и такие отличительные приемы декора новокумакской посуды, как налепные шпечки, узор в виде вертикально разделенной "елки", сложные зигзагообразные композиции, волноты и др. ¹⁹. Наиболее восточные погребения культуры многоваликовой керамики известны в Подонье. В могильниках Нижняя Ведуга и Кондрашовка погребения совершены в больших могильных ямах, иногда с уступом или подбоем. Покойники, посыпанные охрой и мелом, лежат в скорченной позе на боку или на спине с поднятыми коленями. При захоронениях положены кости (череп и ноги) лошадей, коров и овец и многоваликовая керамика, содержащая в тесте примесь раковины ²⁰. На тех же памятниках встречена и абашевская посуда ²¹.

П.Д.Либеров отнес погребения в Нижней Ведуге и Кондрашовке к катакомбной культуре, время которой он неоправданно растянул ²². Но специфичный орнамент керамики этих погребений не оставляет сомнений в правомерности выделения Б.А.Латыниным этих донских памятников с многоваликовой керамикой (однако Б.А.Латынин не рассматривал их как материалы особой культуры, а был склонен отнести к срубной культуре) ²³. Многоваликовая керамика найдена также в катакомбных погребениях могильников Ольховатка и Караяшник на Среднем Дону ²⁴. Посуда украшена налепными шпечками и горизонтальными фигурными или сгруппированными вертикальными валиками, а также вертикально разделенной "елкой".

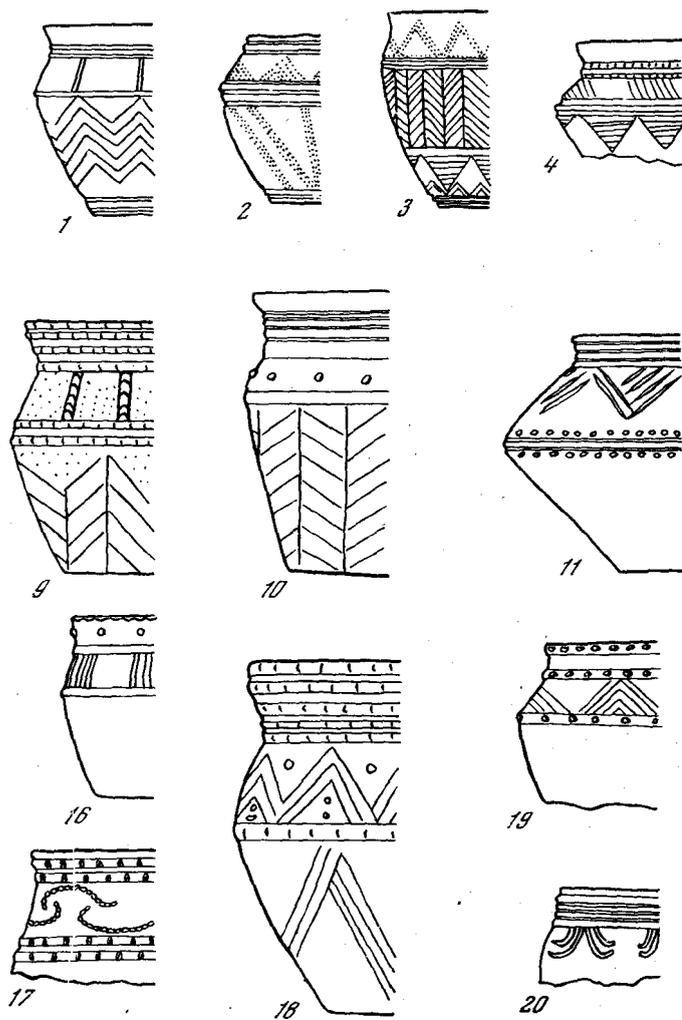
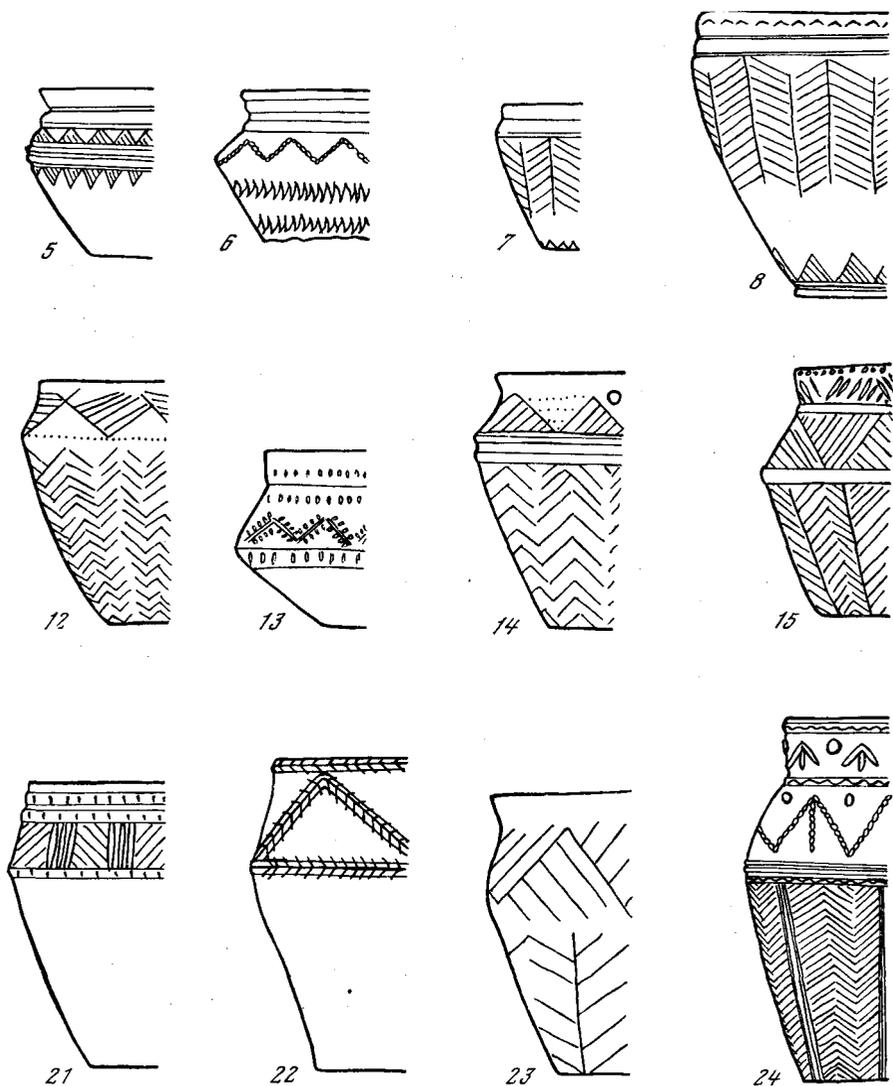

Рис. 9. Сопоставление форм и орнаментов сосудов памятников новокумакского и покровского типов и культуры многоваликовой керамики (масштабы разные).

1-8 - памятники новокумакского типа: 1 - Новый Кумак, курган 25, 2,3 - Степное I, 4 - Царев курган, 5 - Раскатиха, 6 - Петровка, 7,8 - Новоникольское; 9,10,14- - 24 - памятники культуры многоваликовой керамики: 9,18 - Нижняя Ведуга, курган 3, 10 - Кондрашовка, курган 10, 14,17,19,20 - Бабино III, 15 - Хреновое, 16 - Караяшник,

курган I, погребение 2, 21 - Волынцево, 22 - Перешоры, 23 - Кулешовка, 24 - Ольховатка, курган I, погребение 3; 11-13 - памятники покровского типа: 11 - Чардым, 12 - Покровск, курган 35, 13 - Быково, курган 5, погребение 4.

В Поволжье захоронения культуры многоваликовой керамики нам неизвестны, но отдельные сосуды найдены, например, в катакомбных погребениях Петрова вала и у с. Ивановка Волгоградской обл. и на стоянках, исследованных

В.Д.Беленгим в левобережье Нижней Волги в Северном Прикаспии ²⁵. Здесь эта керамика найдена совместно с посудой полтавкинского типа, как и на поселении у Утеса Степана Разина в Саратовском Поволжье. На поселении у Моечного озера в Поволжье многоваликовая керамика встречается вместе с раннесрубной ²⁶.

В Северном Причерноморье находки многоваликовой керамики совместно с катакомбной отмечены на поселениях Бабино Ш, Княжая Гора, Белоус, Сандраки. Однако на поселении Ливенцовка I слой культуры многоваликовой керамики (IV), лежащий под срубным сабастиновским (V), перекрывает катакомбный слой (Ш) ²⁷. Отмечены и случаи находок многоваликовой керамики вместе с раннесрубной (Капитаново, Янохино, Рубцы, Раздольное) ²⁸.

Украинские исследователи датируют культуру многоваликовой керамики на основании находок псабиев, топоров бородинского типа в Андрусовке и Белогорье ²⁹ и западного импорта. Некоторые элементы декора многоваликовой керамики (в том числе сгруппированные ряды вертикальных линий, обрамленных насечками, вертикальная "волна", волюты) имеют аналогии и прототипы в западных культурах, в частности в прикарпатской. На юго-западе ареала прослеживается воздействие культур Глина Ш и Монтеору; по взаимовстречаемости типов культура многоваликовой керамики частично синхронизируется с культурой шаровидных амфор, с этапом Ш прикарпатской культуры и со стжиковской культурой. Все они относятся к 1700-1500 гг. до н.э. ³⁰.

Сосуды с валиками новокумакского горизонта не тождественны более западным образцам многоваликовой керамики, они отличаются по пропорциям. Однако такие сходные элементы, как валики, в том числе вертикальные, шпечки, вертикально разделенная "елка", волюты, столь специфичны, что это дает веские основания не только синхронизировать новокумакский горизонт с культурой многоваликовой керамики, но и предполагать непосредственное влияние последней в Приуралье.

Еще более отчетливо ощущается в новокумакском комплексе воздействие полтавкинской культуры, выделение которой обосновано Н.К. Качаловой ³¹.

В погребальном обряде это сходство проявляется в обычае хоронить умерших в больших могилах, на спине, с поднятыми коленями, класть в могилу охру и мел. Восточная и северо-восточная ориентировка погребенных Нового Кумака и Герасимовки может быть также следствием полтавкинских воздействий. Особенно отчетливо связи с полтавкинской культурой выявляются в керамике. Полтавкинская посуда, как и новокумакская, содержит примеси раковины, песка и шамота, у горшковидных сосудов иногда имеется уступчик, образованный на месте скрепления ленты венчика и стенки, как и у новокумакских горшков первого типа; конические, сплошь орнаментированные полтавкинские миниатюрные банки аналогичны банкам Герасимовки, Расгатики, Петровки (пятый тип).

Ведущие мотивы полтавкинского узора - зигзаг и "елка" - характерны

и для новокумакской керамики. В обеих группах встречаются горизонтально заштрихованные треугольники вершинами вниз. Наконец, очень существенно употребление при ornamentации новокумакской посуды гусеничного штампа, отступающей лопаточки, перевитого шнура, типичных для полтавкинской керамики ³².

Считалось, что полтавкинские памятники сосредоточены в основном на левобережье Волги от Саратова до Волгограда. В настоящее время большое количество полтавкинских погребений открыто в Куйбышевской обл. (Преполовенка, Абашево, Покровка и др.)³³. Керамика, близкая полтавкинской, встречена и в Северном Прикаспии: в кургане Шипово ³⁴, в погребениях Кочелак и Джамбул ³⁵, в Малом Арале к северо-востоку от Астрахани ³⁶, на стоянках у Досанга и Исикей ³⁷, в песках Сам и на Мангшшлаке ³⁸. Исследователи уже отмечали пережитки полтавкинских черт на памятниках Приуралья бронзового века и высказывали предположение о влиянии полтавкинского субстрата на формирование андроновской культуры ³⁹. Эта гипотеза встретила возражение ⁴⁰, однако, она убедительно аргументируется выделением новокумакского хронологического горизонта и выявлением в нем ярких полтавкинских черт.

НОВОКУМАКСКИЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ - РАННИЙ ЭТАП АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники новокумакского типа, стратиграфически предшествующие алакульским, по-видимому, связаны с ними генетически. К новокумакскому этапу восходят обряд скорченного труположения, обычай совершать ритуальные жертвоприношения коней, быков и овец, отделяя черепа и ноги, хорошо известный в андроновских могилах и на поселениях ¹, типы металлических изделий - ножей, тесел, височных колец, главное же - керамический комплекс.

Традиция женского домашнего гончарного производства является важнейшим этнографическим признаком.

Сравнение алакульских и новокумакских приемов гончарства позволяет выявить их большую близость, что служит решающим аргументом в пользу генетического родства алакульского и новокумакского населения. Алакульская посуда, как и новокумакская, изготовлена ленточным способом, часто с использованием матерчатого шаблона (могильники Алакуль, Алексеевка, Атакенсай и др.). Уступ=ребро на плечике - отличительный признак алакульских горшков - получался при наложении на стенку верхней ленты, составляющей венчик ². Эта техника формовки горшков зародилась еще в полтавкинское время ³ и стала ведущим технологическим приемом на новокумакском этапе: так сформованы сосуды первого, второго и четвертого типов. Алакульские горшки с уступом делались тем же способом. Несколько изменились только пропорции: у новокумакских горшков первого типа соотношение высоты венчика и всего сосуда 1:4-6, у алакульских - венчик гораздо выше (1:3).

В некоторых алакульских могильниках представлена и форма новокумакских биконических сосудов второго типа (таковы горшки из Царева кургана, Семипалатного, Алакуля). Наконец, банки пятого типа также представлены во многих алакульских могильниках (Алакуль, Спасское I, Тасты=Бутак).

Традиция гончарства сохранилась и в орнаментации керамики. Ведущие мотивы алакульского орнамента - зигзаг, вертикальная "елка", заштрихованные равнобедренные треугольники, ромбы - восходят к новокумакскому декору. Изменилось только знальное расположение элементов узора в связи с изменением общих пропорций горшков и появлением выделенной шейки. Интересно сохранение на алакульской керамике таких специфических новокумакских мотивов, как "елка", разделенная вертикальными линиями (Алакуль),

спускающиеся ряды ломаных лент (Черняки I, Тасты=Бутак), ступенчатая пирамида (Алакуль, Черняки I), сплошная орнаментация рядами равнобедренных треугольников (Алакуль, Тасты=Бутак, Алексеевка), горизонтально заштрихованные треугольники (Тасты=Бутак, Черняки, Алексеевка), сгруппированные ряды насечек (Тасты=Бутак), орнамент на дне (Алакуль, Черняки, Алексеевка). На алакульском сосуде из могильника Спасское I помещены налелные шпешки ⁴.

К новокумакскому керамическому комплексу бесспорно восходят и столь типичные для андроновской керамики каннелюры. Истоки этого декоративного элемента, возможно, следует искать в орнаментации многоваликовой керамики.

Формы ведущих типов андроновских металлических изделий — ножей и тесел — типологически восходят к новокумакским.

В погребении 8 Новокумакского кургана 25 найдено тесло, а в могиле II — нож из металлургической меди (Приложение) ⁵, по составу относящейся к группе волго=камских месторождений ⁶. Тесло массивное с почти параллельными боковыми гранями и с раскованным изогнутым лезвием (рис.3,2).

А.А.Иессеном установлено, что развитие формы тесел в Прикубанье идет от широких и коротких к более вытянутым ⁷. Такая же закономерность прослежена в Поволжье ⁸. У новокумакского тесла отношение длины к ширине пятки 1:3,5, как у полтавкинских ⁹. У тесел из срубных погребений могильника Покровское и из андроновских погребений у Орска и Эмбы это отношение 1:5-7, как и у сейминско=турбинских ¹⁰. Таким образом, новокумакское тесло типологически относится к числу ранних и может рассматриваться как прототип алакульских.

Новокумакский нож имеет широкое лезвие почти листовидной формы, отделенное от черешка слабо намеченными выступами (рис.3,5). Максимальной ширины лезвие достигает в середине. Отношение длины ножа к длине черешка 1:3,25, длины лезвия к ширине — 1:3,2.

Развитие ножей в евразийских степях идет от слабо моделированных, у которых максимальная ширина приходится на середину лезвия, а черешок едва выделен (к этому типу принадлежит новокумакский нож) ¹¹, к более выработанным формам с выделенным перекрестием ¹². Черешок у них или с узким насадом (тип I), или с широкой пяткой (тип II), варианты в пределах каждого типа обусловлены разным способом оформления перекрестия (рис.10).

Ножи типов I и II встречаются в покровских, кожумбердынских и алакульских комплексах, причем для андроновской культуры особенно характерны ножи типа II с широкой пяткой.

К типу III принадлежат ножи, у которых максимальное расширение находится в верхней трети лезвия, а четко оформленное ромбическое перекрестие отделяет длинный прямой черешок. Эти ножи характерны для срубных памятников послепокровского этапа. Находки ножей этого типа в андроновских по-

<i>Лезвие</i>				
<i>Насад</i>				
	I			
		II		
			III	
				IV

Рис.10. Схема типологического развития ножей с намечающимся перекрестием

гребенях нам неизвестны. Нож, близкий к экземплярам типа Ш, найден в могильнике Сарата Монтеору и датируется временем раньше культуры Ноа¹³.

К типу IV принадлежат кинжалы, у которых максимальное расширение лезвия находится в верхней трети, прямой черешок отделен утолщенным ромбическим насадом=упором. Эти кинжалы широко распространены по всей территории евразийских степей и датируются эпохой поздней бронзы на основании широкого круга западных и южных аналогий.

Таким образом, новокумакский нож типологически относится к древнейшим экземплярам. Некоторые раннесрубные ножи из покровских и смешанных покровско=абашевских комплексов еще близки ему по форме, но отличаются большей выемкой на месте перехода от лезвия к перекрестию. Таковы экземпляры Поволжья (Покровск, Средний Кошшлей, Кротовка, Бережновка П, Бы-

ково I (курган I, погребение 5), Макаровка (курган 2, погребение 5), Комаровка (курган 5) и Подонья (Мазурка, Скорняково, Старая Тойда, Надеждино и др.)¹⁴.

Такие ножи известны и в погребениях Новомордовских могильников, синхронных Малиновскому III могильнику, где найден топор-клевец, и относящихся к раннему, займищенскому, этапу приказанской культуры, сложившемуся под влиянием полтавкинской культуры¹⁵.

В Приуралье новокумакскому ножу близки по форме и величине экземпляры из Александровки у Бугуруслана, из богатого погребения в г. Орске¹⁶ и особенно из погребения в могильнике Ульке I¹⁷.

Другие ножи из алакульских и кожумбердынских погребений Приуралья принадлежат к типу П. Они имеют широкую пятку. Это экземпляры из Близнецов, Герасимовки, Никеля, Нового Кумака, Ветлянки, Кожумберды, Купухты, Царева кургана в г. Кургане, Агаловки I, Субботинского, Черняков и др.¹⁸.

Таким образом, новокумакский нож типологически является древнейшим в Приуралье и может рассматриваться как прототип ножей алакульских и кожумбердынских, что еще раз подтверждает ранний возраст новокумакского комплекса и позволяет датировать его временем, предшествующим алакульским и кожумбердынским памятникам.

Анализ новокумакских металлических изделий имеет принципиальное значение для решения вопроса о происхождении андроновской металлургии. Относительно ее зарождения было высказано несколько гипотез.

В.А.Городцов полагал, что развитие культуры южнорусских степей во многом определялось влиянием Средней Азии¹⁹. Это положение применительно к андроновскому металлу пыталась конкретизировать Е.Е.Кузьмина²⁰. С.С.Черников, развивая идеи Г.Чайлда и О.А.Кривцовой=Граковой относительно определяющей роли Кавказа в развитии ранней металлургии в степях, считал, что многие типы андроновского металла имеют кавказское происхождение, но выделял и ряд форм, специфичных для Восточного Казахстана²¹.

В.А.Сафронев настаивал на том, что определяющим фактором в развитии степных культур (в том числе и андроновской) и в распространении сейминских бронз было влияние анянской цивилизации и миграции с востока²². Исходя из этой посылки, он предпринял значительное омоложение культур Евразии, привлекая анянскую линию синхронизации. О переоценке возможностей этих материалов для датировки евразийских культур уже приходилось писать²³.

Е.Н.Черных показал, что металлообработка Поволжья и Приуралья в развитии бронзовом веке "не несет на себе следов сколько-нибудь отчетливой преемственности кавказских традиций". Он считал, что наиболее важным был восточный импульс, связанный "со среднеазиатскими, казахстанскими и западносибирскими производственными центрами"²⁴.

Таким образом, вопрос о происхождении андроновской металлургии дискусионен. Приведенное типологическое сопоставление новокумакских металлических изделий показывает, что все отмеченные близкие аналогии происходят из областей, расположенных к западу от Урала, главным образом – в Поволжье и Подонье, причем там известны и прототипы этих форм. Особенно важны в этом отношении находки ножей, очень близких по очертаниям к новокумакскому, 1) в полтавкинском погребении Преполовенка в Поволжье и 2) экземпляров уже вполне развитого типа с намечающимся перекрестием в абашевских могильниках, из которых происходят и тесла, близкие по пропорциям к новокумакскому ²⁵.

Предметы эти изготовлены из меди группы МП – медистых песчаников, использование металла которых, по заключению Е.Н. Черныха, служит в известной мере хронологическим индикатором ²⁶, поскольку месторождения медистых песчаников начали разрабатываться еще в ямную эпоху. Менее 4% изделий этой группы составляют оловянистые бронзы. Продукция группы МП локализуется в основном на Средней Волге и Дону и лишь отчасти в Приуралье. В недавнее время открыты многочисленные рудники, где добывалась медь группы МП. Этот мощный металлургический очаг локализуется в Донецкой обл. у сел. Клиновое, Медная Руда, Филипчатино, где обследованы рудники, а рядом – поселения рудокопов эпохи энеолита и бронзы ²⁷.

Что касается состава новокумакского металла, то по данным анализов Спектральной лаборатории Института археологии АН СССР нож сделан из металлургической меди группы ВК. По Е.Н. Черныху, это волго-камская химико-металлургическая группа с неясным рудным источником, изделия которой принадлежат приказанской, сейминской и срубной культурам и лишь незначительная часть – андроновской ²⁸. Это копье и нож из Близнацев ²⁹, бусы и нож из могильника и синхронного поселения Ушкатты, относящихся к кожумбердынскому, наиболее раннему этапу развития андроновской культуры в Оренбуржье ³⁰. Следовательно, и в Приуралье изделия группы ВК характерны для ранней стадии развития металлообработки.

Однако основная часть предметов группы ВК концентрируется к западу от Урала. Интересно отметить, что многие из них найдены на смешанных срубно-абашевских и раннесрубных памятниках, которые и по другим типам металлических изделий и керамики довольно близки новокумакским: на Дону – в Скорнякове и Мазурке, в Поволжье – в Покровске, Скатовке, Чардыме, Быкове, Бережновке ³¹.

Эти данные подтверждают вывод об определяющей роли западных связей в сложении новокумакского комплекса, а следовательно, и в становлении андроновской металлообработки ³². В этой связи заслуживает внимания мнение С.Н. Кореневского о том, что вислобушные топоры, относимые по находкам литейных форм в курганах к абашевской культуре, являются дериватами топоров катакомбных и прототипами андроновских ³³.

Что касается андроновских копий, то их связь с европейскими несомненна, развитие же последних из восточноевропейских копий со свернутой втулкой признано многими исследователями ³⁴.

Итак, основные типы андроновского металла – ножи, тесла, втульчатые копья, проушные топоры и украшения (браслеты, привески, височные кольца) – находят бесспорные прототипы на памятниках новокумакского хронологического горизонта, металлические изделия которого не имеют аналогий ни на Кавказе, ни в Средней Азии, ни в Сибири, но надежно связываются и по формам, и по составу с металлом синхронных и более ранних культур Восточной Европы.

Таким образом, именно западный – точнее, восточноевропейский – импульс был, видимо, решающим в становлении андроновской металлургии.

Этот вывод согласуется и с заключениями о роли западного импульса – культур полтавкинской, абашевской и многоваликовой керамики, выявляемой по керамическим материалам новокумакского хронологического горизонта.

Какова же хронологическая позиция памятников выделяемого нами ранне-андроновского новокумакского горизонта?

Говоря о затянувшемся споре между сторонниками длинной и короткой хронологии сейминско-турбинских бронз и срубно-андроновских памятников, считаем необходимым отметить, что мы по-прежнему принимаем длинную хронологию и соответственно находим возможным датировать новокумакский комплекс второй четвертью II тысячелетия до н.э.

Материалы новокумакского горизонта дают надежные подтверждения длинной хронологии, поскольку здесь в комплексах, более ранних, чем "классическая" андроновская культура, представлена керамика, позволяющая увязать этот хронологический горизонт с культурами многоваликовой керамики и абашевской, а также выявить связи с полтавкинской и непосредственно предшествующей катакомбной.

Е.Н.Черных, выделив в истории металлургии Восточной Европы и Приуралья досейминский и сейминский хронологические горизонты, отнес культуры полтавкинскую, катакомбную и многоваликовой керамики к досейминскому горизонту, абашевскую же культуру разделил на два горизонта - сейминский и досейминский¹, отстаивая вслед за К.В.Сальниковым² раннюю дату появления абашевских памятников в Приуралье, которые он, однако, как и А.П.Смирнов, выделил в особую баланбашскую культуру.

Сейминский хронологический горизонт после дискуссий 60-х годов Е.Н.Черных был склонен датировать третьей четвертью II тысячелетия до н.э., отрицая предлагавшуюся сторонниками длинной хронологии дату Бородинского клада - XVI в. до н.э. Досейминский горизонт он доводил до XV-XIV вв. до н.э., время абашевских памятников определял с конца второй четверти II тысячелетия до н.э. Однако в последней работе Е.Н. Черных наметилась тенденция к удрежнему кладов эпохи поздней бронзы, а следовательно, и всей свиты культур евразийских степей³.

Прежнюю хронологию Е.Н.Черных принял А.Д.Пряхин. По его мнению, чисто абашевские комплексы в Подонье типичны для досейминского горизонта; на сейминском горизонте произошло смешение и постепенное угасание абашевских элементов под влиянием срубных, а затем и полное изживание абашев-

ских черт. А.Д.Пряхин подтверждает свои выводы стратиграфией ряда поселений, где смешанный абашевско=срубный слой перекрыт срубным, причем последний бесспорно относится к сейминскому хронологическому горизонту.

Наиболее надежно это, на наш взгляд, обосновывается материалами Мосоловского поселения, где срубный слой содержит многочисленные литейные формы, в том числе матрицы для отливок копий, вислообушных топоров, тесел, ножей ⁴, причем этим сейминским срубным слоем перекрыт смешанный срубно=позднеабашевский. Таким образом, раннеабашевские материалы бесспорно относятся к досейминскому горизонту. К подобным же заключениям еще раньше пришел Н.Н.Чередниченко, отметивший абашевские элементы в керамике ранней покровской ступени срубной культуры Поволжья, для датировки которой он принял, однако, длинную хронологию, отнеся абашевскую культуру на Средней Волге к ХУП-ХУ вв. до н.э. ⁵. Многие исследователи выявляли абашевские элементы в срубной культуре Поволжья.

П.Д.Либеров, неправоммерно завышающий возраст абашевской культуры, даже отнес к ней некоторые покровские погребения ⁶. Более правильную позицию занял К.В.Сальников, выделивший ряд раннесрубных погребений с абашевскими чертами ⁷.

А.Х.Халиков счел возможным выделить особый покровско=абашевский этап ⁸.

Н.К.Качалова, специально исследовавшая вопрос о соотношении абашевских племен со срубными на территории Нижнего Поволжья, пришла к выводу, что их контакты осуществлялись только на раннесрубном, покровском, этапе, который она вслед за Е.Н.Черныхом датирует началом третьей четверти II тысячелетия до н.э. ⁹. Погребения рассматриваемой группы совершены или по абашевскому обряду, но содержат керамику срубного типа, или по срубному обряду, но с абашевской керамикой, причем последняя близка абашевской посуде приуральского варианта.

В этой связи интересно, что целый ряд категорий инвентаря из смешанных срубно=абашевских погребений находит аналогии в материалах новокумакского типа.

Биконические горшки с ребром и подчеркнутым, иногда каннелированным венчиком из Скатовки (курган II), Чардыма и Быкова (курган 5, погребение 4) ¹⁰ напоминают новокумакскую посуду четвертого типа и, как и последние, близки по форме не столько абашевской, сколько многоваликовой керамике (рис.9, II-13).

Нож из кургана 25 в могильнике Бережновка II ¹¹ составляет ближайшую аналогию ножу из Новокумакского кургана 25. Происходящие из смешанных срубно=абашевских погребений каменные стрелы с коротким черешком, металлические ножи и копья, видимо, сходны с синташтинскими. Наконец, как уже указывалось, новокумакский нож сделан из того же металла группы ВК, что и большинство изделий в смешанных погребениях Поволжья.

Все это, во-первых, позволяет синхронизировать, хотя бы отчасти, памятники новокумакского типа в Приуралье со смешанными памятниками Поволжья; во-вторых, констатировать, что в обеих областях происходили сходные процессы культурной интеграции, хотя возможно, что новокумакские памятники отражают несколько более ранний период и синхронны намеченному Н.К. Качаловой бережновскому этапу, поскольку в Приуралье ярче представлены черты влияния более древних культур – катакомбной и многоваликовой керамики.

Для уточнения возраста катакомбной культуры важна находка в кургане Вознесенка на р. Молочная египетского скарабея XVIII–XVII вв. до н.э. ¹².

Культуру многоваликовой керамики на основании западного импорта и взаимовстречаемости типов украинские археологи датируют XUI–XU (или XUI–XIV) вв. до н.э. ¹³.

Для уточнения абсолютной хронологии памятников новокумакского горизонта решающее значение имеет анализ дисковидных псалиев с шипами. Заготовки псалиев этого типа найдены в петровском (новокумакском) комплексе поселения в Северном Казахстане, ¹⁵ псалиев – в могильнике Синташта I, еще I – в могильнике Синташта II ¹⁴.

Подобные псалии (рис. II) происходят из комплексов: катакомбно=многоваликовых – Трахтемирово, поселение Каменка; абашевских – поселения Суруш, Отрожка, Баланбаш, могильники Кондрашовка (курганы I, 2), Старо=Юрьево (курган 2), Тавлыкаево IV (курган 3, погребение 2); срубно=абашевского – могильник Утевка VI (курган 2) ¹⁵.

По конструкции псалии делятся на два типа: I – сплошные с дисковидными щитками с центральным большим и боковым малым отверстиями; II – со щитком с центральным отверстием и выделенной боковой планкой. Тип II разделяется на два подтипа: ПА – с дисковидным щитком и прямоугольной планкой и ПБ – с овальным щитком и треугольной планкой. Типологически оба варианта типа II являются развитием сплошных псалиев типа I. К типу I принадлежат псалии из петровского комплекса, Трахтемирова, Каменки, Суруша, Баланбаша и Тавлыкаева ¹⁶. К подтипу ПА относятся экземпляры из Старо=Юрьево и Кондрашовки. Подтип ПБ представлен псалием из Утевки.

Псалии выделяемого нами типа I, как было установлено А.М.Лесковым, идентичны псалию из слоновой кости из IV шахтной гробницы Микен. На двух псалиях подтипа ПА из Старо=Юрьево узор также находит аналогии в Микенах ¹⁷. Б.А.Латынина в качестве аналогии евразийским дисковидным псалиям ¹⁸ указал на загадочные глиняные и костяные предметы из толосов и культурного слоя Микен, опубликованные А.Вейсом. М.Литтауэр вслед за С.Фолтини, справедливо, на наш взгляд, отказывается считать их псалиями ¹⁹. Однако ее сомнения относительно псалия из шахтной гробницы кажутся необоснованными, так как круглые псалии представлены на изображениях лошадей в колесничной запряжке в Микенах и Тиринфе ²⁰.

Дата микенского псаляя устанавливается по комплексу шахтных гробниц на основании определяемой по египетской шкале импортной критской керамики и других привозных изделий.

А.Вейс, А.Фурумарк, Г.Милонас, С.Маринатос, В.Тейлор датируют IY гробницу XVI в. до н.э., точнее - 1570-1550 гг. до н.э., а все захоронения в шахтных гробницах круга А и В - временем не позднее 1500 г. до н.э., когда в Микенах появляются купольные гробницы-толосы, захоронения в которых относятся к 1500-1250 гг. до н.э. ²¹.

Микенская дата определяет возраст евразийских степных псаляев, служа для них *terminus ante quem* и позволяя отнести изделия типа I к XVI в. до н.э. и раньше.

По форме они напоминают металлические колесовидные псаляи с шипами, известные по находкам в Газе, Рас=Шамре, Тель=Амарне, Тель=эль=Аджуле ²², датирующиеся временем около середины II тысячелетия до н.э. Советские исследователи рассматривают ближневосточные экземпляры как дериваты южно-русских ²³. М.Литтауэр, напротив, подчеркивает их отличие от степных и возможность независимого изобретения псаляев на Древнем Востоке ²⁴. Эта точка зрения не может быть принята: хотя металлические псаляи с шипами крепятся несколько иначе, типологически они представляют непосредственное развитие более архаичных костяных экземпляров из евразийских степей.

Палеозоологи многократно отмечали, что появившиеся в Средиземноморье вместе с колесничной запряжкой лошади принадлежат к евразийской степной элитной породе ²⁵. Эти данные служат серьезным аргументом в пользу гипотезы о том, что в распространении на Древнем Востоке ранее середины II тысячелетия до н.э. колесничной конной запряжки решающую роль сыграли евразийские степные племена. Такая точка зрения согласуется и с лингвистическими материалами (см. ниже).

Анализируемые круглые костяные псаляи с шипами локализируются в ограниченном ареале Старого Света - в Греции и Евразийских степях - от Украины до Казахстана. В обеих зонах распространены двухколесные конные колесницы ²⁶ и обряд ритуального захоронения коней. Этот ритуал, зафиксированный в Греции в толосах Микен ²⁷, не имеет истоков в Средиземноморье. В степях же он известен с III тысячелетия до н.э. ²⁸, а у носителей новокумакского культурного комплекса получает особенное развитие, о чем свидетельствуют захоронения коней (или только их черепов и ног) при погребениях в Троицке, Степном, Царевом кургане, Раскатиже, Петровке и в могильнике Синташта, где найдены остатки колесниц, у которых колеса - со спицами, и останки взнузданных коней с псаляями.

Сходство в культуре евразийских степей и Греции не ограничивается появлением в обоих ареалах колесниц, одинаковых типов псаляев и обряда погребения коня при захоронении. Оно прослеживается и в конструкции боль-

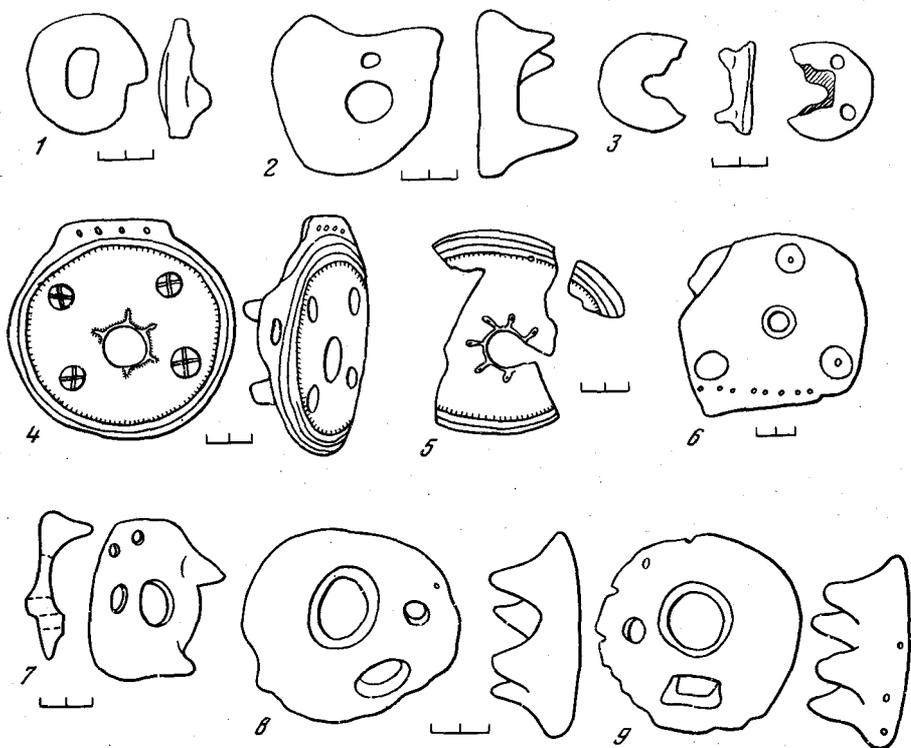
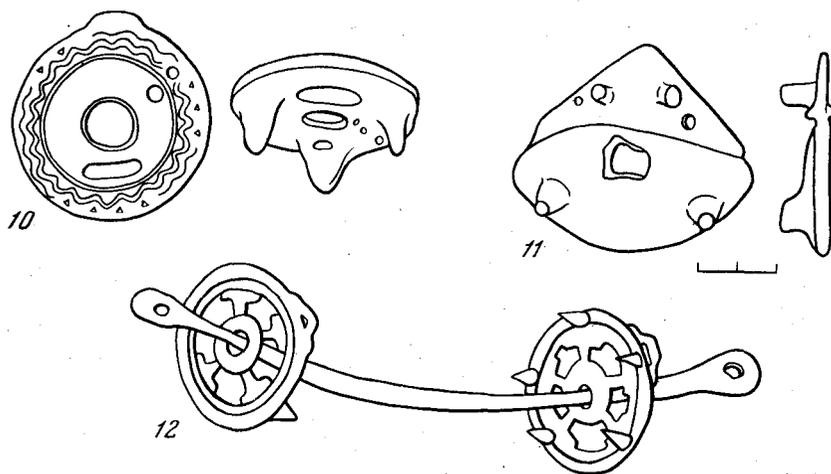

Рис. II. Дисквидные костяные псаали Евразии и их производные
 I - поселение Суруш; 2 - Поселение Баланбаш; 3 - могильник
 Тавлыкаево IV, курган 3, погребение 2; 4,5 - могильник Старо-
 Древо, курган 2; 6 - могильник Кондрашовка, курган I; 7 - по-
 селение Каменка; 8,9 - Трахтемирово; 10 - IV шахтная гробница
 Микен; 11 - могильник Утевка VI, курган 2; 12 - Газа; I-II -
 кость; 12 - бронза

ших прямоугольных могил, где умершие, иногда положены на спине с поднятыми вверх ногами не по центру, а сдвинуты к стене, в то время как у противоположной стены находится инвентарь, включающий богатый набор вооружения, в том числе сходные копья с длинной ступкой. Эти детали погребального обряда отмечены и в Микенах, и в раннеандроновских, и в раннесрубных погребениях Покровских могильников ²⁹.

Характерные для покровских и раннеандроновских комплексов копы с несомкнутой втулкой могут быть сопоставлены с экземплярами среднеминойского периода III и следующего, позднеминойского, датирующегося 1700-1550 гг. до н.э.³⁰, а копы с литой массивной втулкой — с копьем, представленным на рельефе с колесницей из У шахтной гробницы, и особенно крайним в Афинской музее копьем с ромбическим стержнем из Микен³¹, на что уже обращал внимание Н.Я.Мерперт³². Можно отметить также находки в У шахтной гробнице выпрямителя древков стрел, украшений из клыков кабана³³, не имеющих ни аналогов, ни прототипов в культурах Элады и находящихся параллели в культурах евразийских степей.

О распространении некоторых изделий микенских типов в степях писал Т.Сулимирский, предполагавший проникновение греческих купцов вплоть до Сибири³⁴.

С.С.Березанская в работе, специально посвященной связям Украины со Средиземноморьем и Подунавьем, назвала целый ряд импортных изделий,

прежде всего оружия, попавших на Украину из Греции, и отметила возможное влияние микенской цивилизации на развитие каменной архитектуры Украины ³⁵.

На связи с Грецией указывает и появление в евразийских степях своеобразного микенского орнамента, что уже многократно отмечали исследователи. Влияние его особенно ярко выступает на предметах Бородинского клада ³⁶.

Орнамент, украшающий копье и булаву клада, сходен с декором, характерным для шахтных гробниц Микен. Признавая это сходство, одни исследователи считают возможным относить Бородинский клад ко времени Микен, другие, напротив, предполагают запаздывание культурного развития в степях, но по-разному оценивают степень этого отставания.

А.А.Спицын первым сопоставил бородинские орнаменты с греческими и на этом основании синхронизировал клад с Микенами ³⁷.

Этой точки зрения и сейчас придерживаются ученые – сторонники длинной хронологии: Р.Хахман, впервые указавший на аналогии Бородинскому кладу в кладах Хайду=Шамшон – Апа, относимых им к 1550–1500 гг. до н.э. ³⁸; А.И.Тереножкин, предпринявший широкое сопоставление культур Восточной Европы с западноевропейскими ³⁹; Н.Я.Мерперт, подчеркнувший комплексное совпадение с Микенами не только по орнаментам, но и по форме оружия ⁴⁰, и другие.

Напротив, О.А.Кривцова=Гракова, используя те же микенские аналогии, писала о творческой переработке микенских элементов на бородинских вещах, что побудило ее датировать клад XIV в. до н.э. ⁴¹. Специально исследовавшая проблему даты Бородинского клада М.Гимбутас также признала трансформацию микенских элементов, что заставило ее обратиться к другим линиям синхронизации и отнести клад к XV–XIV вв. до н.э. ⁴².

А.Можолич в цикле работ, посвященных хронологии венгерских бронз, приняла выдвинутое Р.Хахманом сопоставление Бородинского клада с кладами горизонта Хайду=Шамшон – Апа, которые она отнесла к XV–XIV вв. до н.э., предполагая, что микенские элементы попали в Подунавье не прямо из Греции, а через посредство Малой Азии, где произошла их трансформация ⁴³.

Тщательный анализ Бородинского клада предпринял В.С.Бочкарев, детально проанализировавший все категории инвентаря и пришедший к выводу, что "проблема Бородина сводится к проблеме датировки культур Подунавья с микенским стилем". На основании хронологии А.Можолич он осторожно датировал клад XV–XIV вв. до н.э. ⁴⁴.

Крайнюю позицию в споре занял В.А.Сафронов, привлекая очень широкий круг аналогий от Западной Европы до Кавказа и Аньяна. Не проводя тщательного отбора действительно близких бородинским материалам и тенденциозно зависив даты использованных для сопоставлений комплексов, В.А.Сафронов счел возможным отнести клад к XIII в. до н.э., исходя из своей концепции о застойном характере культур евразийских степей ⁴⁵.

Сверхкороткая хронология В.А.Сафронова не была принята большинством специалистов, и наибольшее признание получила хронология В.С.Бочкарева.

Однако вопрос о дате Бородинского клада и всего круга соотносимых с ним культур остается и сейчас остро дискуссионным.

Дериваты микенского декора представлены не только на вещах Бородинского клада, но и на других предметах, найденных на памятниках срубной культуры (рис.12).

В каменном ящике в кургане I у с. Луговое на Керченском полуострове найден срубный остросереберный сосуд (рис. 12, 8), орнаментированный веревочным декором в виде равнобедренных треугольников с отходящими от них завитками ⁴⁶. С.С.Бессонова относит погребение к раннесрубному времени. В Новочеркасском музее хранится остросереберный срубный сосуд, в верхней части декорированный спиральями (рис. 12, 9) ⁴⁷.

Т.А.Шаповалов указывает на находку подобного сосуда с оттиснутой шнуром микенской "волной" на поселении Янохино в бассейне Северского Донца ⁴⁸. На поселении Ильичевка в раннесрубном горизонте найдена круглая костяная бляха, украшенная микенским бегущим т-образным меандром ⁴⁹. Т.А.Шаповалов сопоставляет ее с золотыми украшениями микенских шахтных гробниц и с костяной бляхой культуры Ватина в Румынии, датирующейся Н.Тасичем XVI-XV вв. до н.э. ⁵⁰. Для датировки ильичевской бляхи важна находка в том же раннесрубном горизонте костяного желобчатого псаля типа I по К.Ф.Смирнову, близкого типу Фюзешабонь в Венгрии, относящемуся по А.Можолитч к XV-XIV вв. до н.э. Эту дату и принимает для бляхи автор раскопок, хотя по Б.Хензелю и Н.Тасичу она может быть древнее. В Подонье в кургане I могильника Старая Тойда, содержащем смешанные срубно-абашевские погребения, сопровождавшиеся керамикой с примесью раковины, украшенной каннелюрами и шнуровым орнаментом, в тризне найден сосуд с пророченной двойной спиралью - типичным миконским узором, помещенным и на лезвии бородинского кинжала (рис. 12,20) ⁵¹.

Наиболее восточной точкой распространения дериватов микенского декора является могильник Новые Ябалаклы на р. Дема в Башкирском Приуралье (рис. 12, 1-5). Здесь в срубном погребении 3 кургана 2 в захоронении женщины был найден богатый убор, состоящий из многочисленных бронзовых, иногда обложенных золотой фольгой колец, пронизок, подвесок, бус, трубочек и бляшек ⁵².

Отдельные украшения находят аналогии в богатых женских могилах срубной и особенно андроновской культур. Сочетание же их в едином уборе особенно характерно для абашевской культуры ⁵³. Хотя по обряду и керамике ябалаклинское погребение относится к срубной культуре, в том же могильнике, в погребении 2 кургана I обнаружен абашевский сосуд с органической примесью в тесте, специфически абашевским декором по краю венчика ⁵⁴.

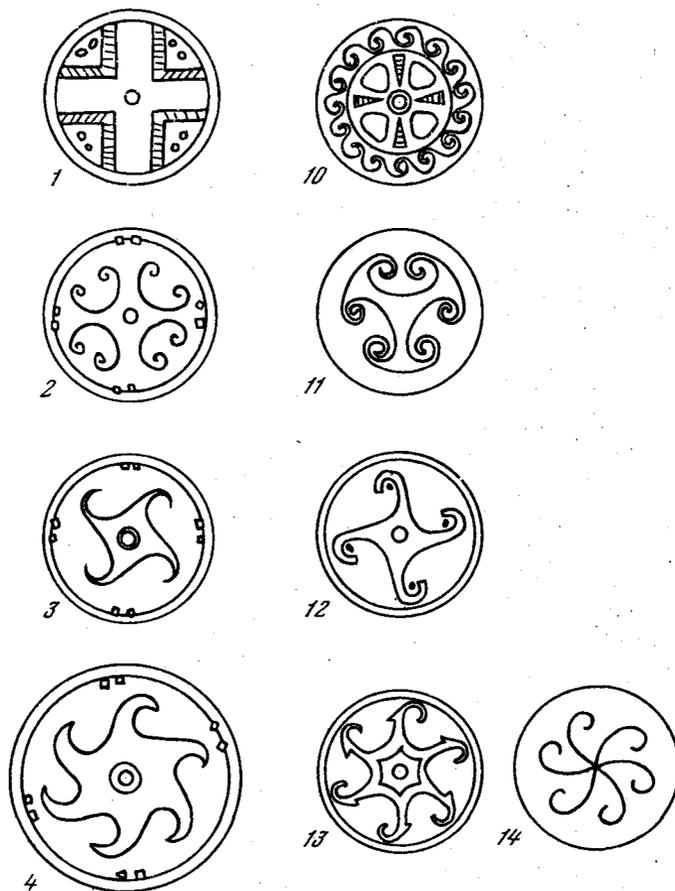
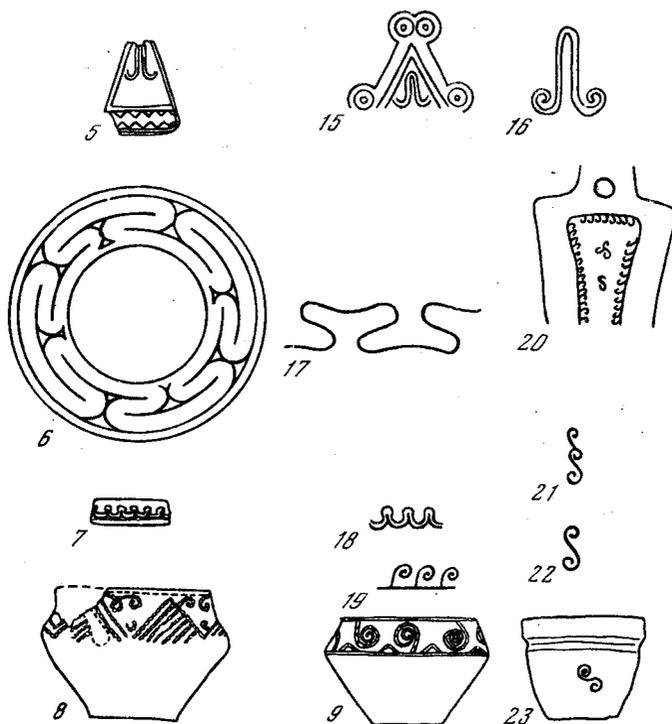

Рис. 12. Образцы микенского орнамента на предметах эпохи бронзы Восточной Европы и Приуралья
 1-9 - срубная культура: 1-5 - могильник Новые Ябалакы, курган 2, погребение 3, 6 - поселение Ильичевка (раннесрубный слой)
 7 - поселение Шиловское (срубно-абашевский слой), 8 - могильник Луговое, курган 1, 9 - коллекция Новочеркасского музея, 23 - могильник Старая Тойда, курган 1; 10-19, 21, 22 - Микены (по А.Фурумарку и Г.Каро): 10-12, 14-17 - шахтные гробницы, 13 - купольные гробницы; 18, 19, 21 - Греция микенского периода;

20 - Бородинский клад, кинжал; 1-5 - бронза; 6,7 - кость, 8,9, 23 - керамика; 10-22 - золото, серебро, бронза, кость, камень, керамика

В состав ябалакинского убора входят трапециевидная подвеска с заштрихованными треугольниками и петлей ⁵⁵ и семь круглых блях ⁵⁶: с крестообразным декором, с четырьмя противоположащими волнтами, образующими крестообразную фигуру (две), со свастикой с четырьмя криволинейными лучами (две) и, наконец, одна бляха с изображением сегнерова колеса с шестью

криволинейными лучами.

Подобный криволинейный и волотный орнамент совершенно чужд культурам бронзового века евразийских степей, где геометрический узор наносили по квадратной сетке. Этот орнамент находит полные аналогии в Микенах. Петли с закрученными в спираль концами; волоты, иногда образующие сложные фигуры; свастика и сегнерово колесо с изогнутыми лучами, расположенными по принципу вихревой розетки, украшают многочисленные золотые бляхи и пластины из шахтных гробниц. Те же мотивы есть на стелах с колесницами, на микенской керамике ⁵⁷.

Они сохраняются в купольных гробницах, но там осложнены дополнительными элементами и отроствами. В ябалаклинском погребении представлен не один, а несколько мотивов, специфичных для шахтных гробниц. Такое комплексное совпадение позволяет считать микенскую аналогию системной и предполагать, что хронологический разрыв с Микенами был не очень велик.

Когда и как попали микенские мотивы в Приуралье?

Можно полагать, что они появились не в срубное время, когда прямые связи с Грецией не прослеживаются, а в предшествующую эпоху активных контактов в степях и расселения с запада носителей различных археологических культур, ассимиляция которых привела к сложению памятников — в Поволжье — смешанных срубно=абашевских, а в Приуралье — новокумакского типа.

Положение последних в колонке относительной стратиграфии культур Приуралья позволяет отнести новокумакский хронологический горизонт ко второй четверти II тысячелетия до н.э.

Малочисленность памятников и их смешанный, эклектический характер, видимо, указывают на то, что они относятся к очень непродолжительному периоду: судя по микенской аналогии псалиям, — к XVI в. до н.э.

К этому времени в степях Евразии завершился бурный процесс этнических передвижений (возможно, стимулированный изобретением конных колесниц), активных межэтнических контактов и ассимиляций, в результате которого после стабилизации обстановки произошло формирование новых этнокультурных общностей — срубной и андроновской.

НОВОКУМАКСКИЙ КОМПЛЕКС И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АНДРОНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Итак, формирование культуры алакульского населения Приуралья и Западного Казахстана связано с культурой населения предшествующего этапа. Сохранение традиций гончарного производства и идеологических представлений (выраженных в орнаменте, погребальном обряде и ритуальных погребениях животных), то есть основных этнически определяющих факторов, позволяет предполагать этническое родство этих двух сменяющихся групп населения и рассматривать памятники новокумакского типа не как особую археологическую культуру, а как ранний этап развития андроновской культуры.

Каково же происхождение новокумакского культурного комплекса?

А.А.Формозов привел аргументы в пользу местного генезиса андроновской культуры¹, и его точка зрения получила всеобщее признание. Г.Б.Зданович, рассматривая вопрос о происхождении андроновской культуры Приишимья, выделил петровский тип памятников² (которые мы относим к новокумакскому горизонту) и предположил генетическую связь алакульских памятников с петровскими, а последних – с энеолитом Казахстана и Западной Сибири³.

Отнюдь не отрицая определяющей роли местных энеолитических культур Приуралья и Казахстана в формировании андроновской культуры, мы, однако, хотим подчеркнуть, что в памятниках новокумакского хронологического горизонта отчетливо прослеживаются сильные влияния культур абашевской, многоваликовой керамики и особенно полтавкинской. Это дает основание предполагать, что стимулом для формирования андроновской культуры явился западный импульс. На территории евразийских степей прослеживаются существенные передвижения племен во второй четверти II тысячелетия до н. э.: движутся на восток абашевцы, отмечается смена культурных комплексов в Подонье⁴, появляется катакомбная и многоваликовая керамика в Поволжье. Эти миграционные волны достигают, видимо, и Приуралья.

В результате усилившихся контактов и ассимиляционных процессов во второй четверти II тысячелетия до н.э. формируются новые культурные комплексы, одним из которых является новокумакский. Характерное для него разнообразие форм сосудов и орнаментов, сохраняющих черты воздействия других культур, – признак переходного этапа, когда еще не произошло консолидации типов. После стабилизации обстановки в степях на его основе складывается алакульский комплекс.

Если правильно наше предположение о роли западного импульса и полтавского субстрата в становлении андроновской культуры, то оно имеет принципиальное значение для решения индоиранской проблемы. Носителей срубной и андроновской культур большинство исследователей-археологов считают индоиранцами. Эта гипотеза, выдвинутая С.П. Толстовым, А.Н. Бернштамом, М.М. Дьяконовым, Н.Я. Мерпертом и детально аргументированная К.Ф. Смирновым и К.А. Акишевым, основана на устанавливаемой археологически генетической связи срубной и андроновской культур с культурой сарматов и саков УП-У вв. до н.э., ираноязычность которых определяется по античным и древнеперсидским письменным источникам⁵. Против этой гипотезы выступил разделявший ее первоначально К. Йеттмар⁶. Однако ему не удалось опровергнуть основной аргумент — генетическую связь ираноязычных кочевников с их предшественниками в евразийских степях эпохи бронзы.

Для решения индоиранской проблемы решающее значение имеет сопоставление археологических данных с лингвистическими.^{6а} Еще в XIX в. по лингвистическим материалам было установлено, что индоиранцы вели пастушеский образ жизни⁷: боги индоиранского пантеона носят эпитеты "владыка обширных пастбищ", "посылающий прекрасное богатство"; в обращенных к богам молитвах их просят оросить пастбища, даровать коней и быков; в жертву им приносят коней, быков и баранов (это позволяет реконструировать состав стада); боги изображаются едущими на конных колесницах; бог-творец Тваштар считается первым строителем колесниц (отсюда следует, что индоиранцы были хорошо знакомы с колесницами). Общеиндоиранскими являются названия разных типов колесного транспорта, колесницы, ее частей, упряжи, названия одежды кочевников-степняков — брки и колпака. Этой реконструируемой лингвистически картине хозяйства и быта индоиранцев на прародине среди археологических культур Старого Света эпохи бронзы соответствуют только материалы степных культур Евразии⁸. Локализация индоиранской прародины в евразийских степях подтверждается топонимикой Северного Причерноморья, где выявлены древние как иранские, так и индийские топонимы; отождествлением названия легендарной реки Ранхи с Волгой; наличием древних заимствований из индоиранских языков в финноугорские^{8а}.

В 60-х годах среди историков и лингвистов укрепилась гипотеза о расселении индоиранцев во второй половине II тысячелетия до н.э. в степях к востоку от Волги и об отождествлении их с носителями андроновской культуры⁹. В последние годы в исследованиях Т. Барроу и Ж. Моргенштерне показано, что протоиндийцы и, возможно, самостоятельная третья ветвь индоиранцев, во II тысячелетии до н.э. уже жили на территории Бактрии и соседних областей Ирана и Индостана¹⁰.

Однако, по мнению лингвистов, первоначальная прародина индоиранцев должна была находиться не в Азии, а в южнорусских степях, где они контактировали с носителями других индоевропейских диалектов, а на северной

Границе ареала – с финноуграми. Выделение индоиранцев из индоевропейской общности произошло ранее второй четверти II тысячелетия до н.э., когда группа индоиранцев появилась в Передней Азии. Тогда же, по мнению лингвистов, индоиранцы могли освоить и азиатские степи.

Гипотеза об автохтонном развитии андроновской культуры не дает возможности увязать археологические и лингвистические данные. Полученные же в Новокумакском кургане бесспорные свидетельства активных западных связей и признание роли западного импульса в формировании андроновской культуры позволяют согласовать археологические и лингвистические свидетельства в пользу индоиранской принадлежности носителей андроновской культуры. Важнейшее значение в решении этой проблемы имеют данные о коневодстве и колесничной запряжке.

По свидетельству переднеазиатских письменных источников установлено, что ранее середины II тысячелетия до н.э. на север Месопотамии и в южную часть Армянского нагорья проникла группа индоариев, которые заняли господствующее положение в государстве Митанни¹¹. Их присутствие документируется распространением индоиранских имен (в частности, у представителей правящей династии и знати), а также появлением в договорной клятве имен индоиранских богов. О роли в этом обществе конных колесниц свидетельствуют титул правителя, дословно означающий "управляющий конями", и имена правителей: "Имеющий мчащиеся колесницы", "Стоящий лицом к колесницам", "Обладающий большими конями".

В это время получает широкое распространение новая колесничная тактика боя, и овладение методами тренинга лошадей для боевых колесниц приобретает первостепенное значение. В Митанни, Ассирии и Хеттском царстве составляются специальные коневодческие трактаты. Древнейший из них – трактат митаннийца Киккуди (XIV в. до н.э.) – написан на хурритском языке, но вся коневодческая терминология в нем индоарийская – названия мастей лошадей, корма, ипподрома, поворотов при тренинге, управляющего колесницей (термин имеет социальный смысл) и т.д. Эти индоарийские термины повторяются затем и в хеттских, и в ассирийских трактатах¹², из чего следует, что навыки коневодства и тренинга лошадей для колесничной запряжки были принесены в Переднюю Азию именно индоариями и они сыграли решающую роль в смене военной тактики и развитии колесничного боя.

Этот тезис пытались поколебать А.Л.Каммехубер¹³, основываясь на том, что лошадь была известна на Древнем Востоке до прихода индоариев. Ее поддержал И.М.Дьяконов¹⁴. Однако их основные доводы были опровергнуты М.Майрхофером¹⁵. Одновременно П.Мури было показано, что, хотя в Передней Азии (главным образом – малоазийских областях) коневодство было известно задолго до прихода индоариев, применявшиеся способы запряжки были не эффективны и не позволяли использовать коня в военном деле¹⁶. Таким образом, гипотеза о роли индоариев в распространении коневодства остается в

силе, а следовательно, данные по истории коневодства находятся в прямой связи с проблемой происхождения индоиранцев.

Нам уже неоднократно приходилось писать о развитии коневодства в евразийских степях ¹⁷. Исследованиями палеозоологов В.И.Громовой, В.И.Цалкина, В.И. Бибикиной установлено, что в степи коневодство стало одной из основных отраслей хозяйства уже в III тысячелетии до н.э. В этой же зоне тогда же сложились религиозно=мифологические представления, связанные с конем: в древнейших в Старом Свете ритуальных захоронениях коней на памятниках днепр=донецкой и ямной культур можно видеть истоки ритуала ашвамедха и других обрядов конного культа, характерных для древних индоевропейцев и в особенности индоиранцев.

Анализ костяных псалиев, как отмечалось, позволил установить, что южнорусские экземпляры относятся к числу древнейших в Старом Свете и могут рассматриваться как прототип переднеазиатских. Тот факт, что во всем Старом Свете псалии во II тысячелетии до н.э. применялись для запряжки лошадей в боевые конные колесницы, позволил уточнить высказывавшееся ранее предположение об использовании псалиев для верховой запряжки всадниками и утверждать, что и в южнорусских степях псалии применялись для колесничной запряжки ¹⁸.

Это подтверждается распространением на срубных и андроновских поселениях глиняных моделей колес и бронзовых блях, имитирующих колесо со спицами, и схематическими изображениями колесниц на сосудах. На горшке из срубного погребения 7 кургана 3 у с. Политотдельское изображены четыре колеса - каждое с четырьмя спицами ¹⁹; на сосуде из с. Львово Поднепровье изображена пара колес, на сосуде из Ждановского музея также представлены четыре колеса, сгруппированные попарно ²⁰; на горшке с уступом из алакульского Спасского могильника схематично изображены полукруглый кузов и отходящее от него в середине дышло с ярмом ²¹; упряжные кони и части колесницы, видимо, представлены на сосуде из срубного погребения могильника Полянского ²². Наиболее выразителен рисунок колесницы на сосуде из срубного могильника Сухая Саратовка II (курган 2) ²³. На этом рисунке процарапана в плане колесница с двумя соединенными осью колесами с четырьмя спицами, закругленным спереди кузовом и отходящим от него в центре дышлом с ярмом, к которому подпряжены две лошади (сохранилась профильная контурная фигура только правого животного).

Эти изображения находят очень широкий круг аналогий на петроглифах Европы, Северной и Центральной Азии. Для всего этого ареала характерно изображение самой колесницы как бы в плане, распластанной, а запряженных животных - в профиль, одного над другим, иногда спиной друг к другу ²⁴. Эта стилистическая манера принципиально отличает трактовку колесниц в Северной Евразии от древневосточной и греческой, где колесницы всегда изображались строго профилно, что указывает, видимо, на независимое сло-

жние обеих художественных традиций. Всемирно знаменитая колесница из Кивика в Скандинавии ²⁵, выбитая на стенке каменного ящика, в котором в кургане бронзового века захоронен воин с кинжалом, позволила датировать эпохой бронзы большую серию сходных изображений на петроглифах Европы, Казахстана, Средней Азии, Сибири, Тувы, Монголии. Такие изображения колесниц встречаются и на сосудах эпохи бронзы в других районах Западной Европы ²⁶, а также Кавказа ²⁷ и Индии ²⁸. Рассмотренные срубные и андроновские сосуды с изображением колесниц служат еще одним аргументом в пользу распространения колесниц в Евразии в эпоху бронзы. Это высказывавшееся нами предположение, основанное на анализе срубных и андроновских псалев и рисунков на керамике ²⁹, недавно было подтверждено открытием в могильнике Синташта колесниц с колесами со спицами (рис.13)³⁰, которые могут быть признаны едва ли не древнейшими в Старом Свете, если принять предлагаемую нами длинную хронологию памятников новокумакского горизонта.

Данные об использовании населением евразийских степей во второй четверти II тысячелетия до н.э. конных колесниц подтверждают гипотезу об индоиранской принадлежности этого населения и вместе с тем служат важным источником для реконструкции социальной структуры этого общества. Исследованиями лингвистов и историков установлено, что общество индоиранцев было стратифицировано и делилось на три социальные группы – рядовых общинников, жрецов и воинов. Оформление этих социальных институтов произошло в глубокой древности на индоиранской прародине. Это доказывается единством терминологии и социальных символов, причем многие из них имеют индоевропейские соответствия, что позволяет отодвинуть оформление соответствующих институтов еще дальше в глубь веков – к эпохе контактов носителей различных индоевропейских диалектов ³¹. Основной производитель – рядовой общинник – в Ригведе называется вайшья, в Авесте – *vāstrya fšuyant*, что дословно означает "доставляющий корм скоту" (пастух) и соответствует хеттскому *westara* – "пастух" ³², свидетельствуя, во-первых, о скотоводческом характере индоиранского общества, во-вторых, о глубокой древности термина.

Социальная группа жрецов в индийских источниках названа *brahmān* – соответствует латинскому *flamen* ³³ (что снова позволяет отодвинуть формирование этого социального института к эпохе индоевропейской общности). Для разных категорий жрецов у индоиранцев употребляются общие термины: вед. *hótar* – авест. *zaoatar* (жрец, совершающий жертвоприношение); вед. *átharvan* – авест. – *āθravan* (жрец, отправляющий культ огня). Индоиранский термин для обозначения воинов *raθaištar* – "стоящий на колеснице" ³⁴. Наряду с ним употребляются термины *kvatriya* "наделенный могуществом" и *raǰanya* – "царственный". К социальной группе воинов принадлежит царь *xšaya* – "владыка" (термин засвиде-

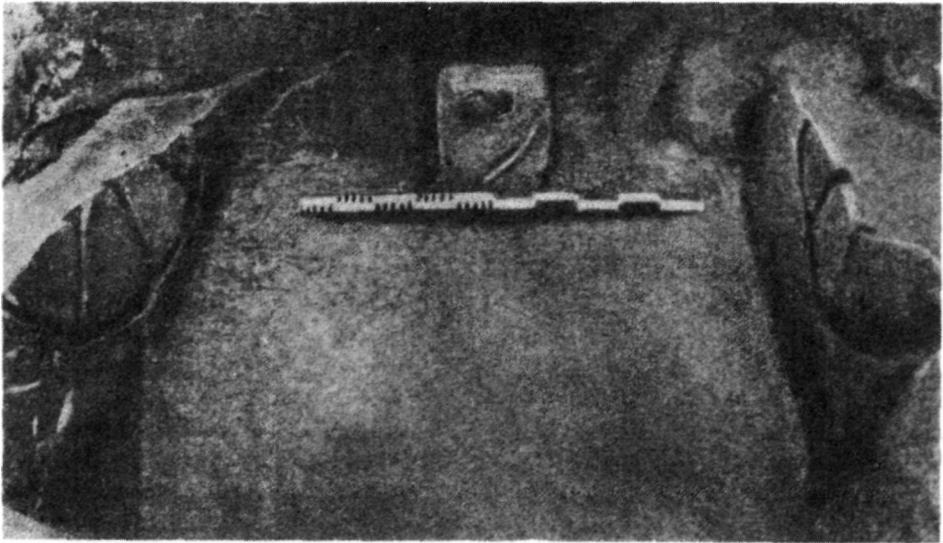

Рис. 13. Оттиски колес колесницы из могильника Синташта

тельствова́н также у скифов)»³⁵, или раджа, что безусловно соответствует латинскому rex³⁶, указывая на общеиндоевропейское происхождение института царской власти.

О далеко зашедшей социальной дифференциации в индоиранском обществе свидетельствует обилие терминов для обозначения вождя ("первейший", "старейший", "выдающийся из мужей" и т.д.). Принадлежность к определенной социальной группе была наследственной: древнеиранский термин azāta - "знатный" буквально значит "рожденный в потомстве", "сын семьи с высоким положением в обществе"³⁷; название социальной группы "джати" буквально значит "род", "порода".

Трехчленное социальное деление общества закреплено в мифологии и ритуале: согласно тексту Ригведы (X, 90) три социальных класса возникли из тела первого человека - родоначальника Пуруши: из его бедер - вайшьи, из рук - воины, из уст - жрецы³⁸. По другой легенде трехчленная структура общества была создана героем-родоначальником Йимой (иранская параллель индийского Ямы), разделившим на три части легендарную обитель вару и заселившим ее людьми трех социальных групп. Как показал Э. Бенвенист³⁹, вара - это идеальная модель древнего общества.

При исполнении различных обрядов каждой социальной группе отводилось определенное место в действе, символизировавшее его статус. Так, в главной общенародной церемонии - заклании белого коня - ашвамедхе, на выборах верховного царя три его жены, принадлежавшие к трем кастам общества, олицетворяли: брахманка, наделяющая царя духовной энергией, - высшее небо; кшатрийка, наделяющая его физическим могуществом, - земную сферу; вайшья, наделяющая его богатством и плодородием, - недра земли⁴⁰. Ритуал ашвамедха очень архаичен и восходит к эпохе индоевропейского единства, поскольку

на логичные обряды совершались другими индоевропейскими народами - римлянами и кельтами - и у последних он назывался термином, сходным с индийским (*īpomiidvov*)⁴¹. Применительно к новокумакским материалам анализ этого обряда интересен потому, что позволяет вскрыть то сложное символическое значение, какое имел обряд жертвоприношения коня, практиковавшийся новокумакцами⁴².

То же переплетение космологической и социальной символики характерно и для атрибутов каждой социальной группы. Само название этих групп - индийское "варна", иранское "пиштра" - означает "цвет", что связано с соотношением со жрецами белого цвета (и серебра), с воинами=колесничими - красного (и золота)⁴³. Как показал Ж. Дюмезиль, подобная цветовая символика характерна для всех индоевропейцев⁴⁴. Каждой социальной группе подобали определенные вещественные символы, о которых рассказывается в легендах (в частности, переданных Геродотом (IY, 5-7) и Квинтом Курцием Руфом (~~Скиф, или Гость, 1~~)) о священных золотых предметах у скифов и саков, упавших с неба или врученных героем=родоначальником⁴⁵ у индоиранцев атрибутами жрецов были специальный головной убор и чаша для жертвоприношений, инсигниями воинов - оружие, конь и колесница. В Шатапатха Брахмане говорится: "орудие кшатриев - это колесница, панцирь, лук и стрелы". Эти атрибуты, естественно, сопровождали умершего на тот свет, на вечные пастбища Ямы на высшем небе.

В свете этих индоиранских данных открытие на памятниках новокумакского хронологического горизонта ритуальные захоронения коней и колесниц в могилах воинов, положенных с набором вооружения, можно рассматривать как бесспорное свидетельство социальной дифференциации общества и выделения в нем группы привилегированных воинов=колесничих.

У История Александра, VII, в, 17-18

Л а Лукриан (скиф или гость, 1) назвал скифских жрецов "носящими священную шапку".

ПРИМЕЧАНИЯ

К ВВЕДЕНИЮ

- 1 Первое появление в этих областях носителей индоевропейских диалектов относится к концу III - началу II тысячелетия до н.э.
- 2 Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948, с.70-76.
- 3 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. - МИА, № 9, 1949, с. 27.
- 4 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с.59, 61.
- 5 Дьяконов И. М. История Мидии. М.-Л., 1956, с.150,151;
Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М.,1961, с.42;
Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности. - КСИЭ, XXVI, 1957.
- 6 Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. - СА, 1957, № 3; Он же. Савроматы. М., 1964; Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские. - В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с.43-48.
- 7 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с.53,60.
- 8 Кузьмина Е. Е. Купухта - могильник андроновской знати. - КСИА, 93, 1963; Она же. О некоторых вопросах андроновской демографии. - "Изв.СОАН АН СССР", 1974, № 4; Она же. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. - ВДИ, 1974, № 4.

К ГЛАВЕ I

- 1 Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г.Орска.- МИА, № 115, 1962, с.206-241; Она же. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ Орска. - В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.,1972,с.27-48.
- 2 Смирнов К. Ф., Попов С. А. Орские курганы. - АО 1971 г. М.,1972, с.220-222;Смирнов К. Ф., Попов С. А., Пузикова А. И. Раскопки курганов под г. Орском. - АО 1972 г. М., 1973, с.187,188; Смирнов К. Ф., Попов С. А.

Работы Оренбургской экспедиции. - АО 1973 г. М., 1974, с.175,176.

- 3 Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников. - В кн.: Ранние кочевники Южного Приуралья. Уфа (в печати).
- 4 Мошкова М. Г. Ново=Кумакский курганный могильник близ г. Орска, с.221,222; Смирнов К. Ф., Попов С. А. Орские курганы, с.220; Мошкова М. Г., Федорова = Давыдова Э. А. Погребения эпохи бронзы Ново=Кумакского могильника. - КСИА, IOI, 1964, с.135-141.
- 5 Мошкова М. Г. Ново=Кумакский курганный могильник близ г.Орска, с.229, рис.1 (план Ново=Кумакского курганного могильника).
- 6 Впускные погребения 9 и 10, целиком разрушенные поздним перекопом, находились в центре кургана и, судя по удлинненным контурам могил и их ориентировке, были связаны с ранними кочевниками.
- 7 Смирнов К. Ф. Отчет о работе Оренбургского отряда Южно=Уральской экспедиции ИА АН СССР и Оренбургского областного музея краеведения 1964 г. Архив ИА, Р-1, № 2927, с.64.
- 8 Федорова = Давыдова Э. А. Обряд трупосожжения у срубно=алакульских племен Оренбуржья. - В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с.169, рис.2.
- 9 Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с.160,161.

К ГЛАВЕ II

- 1 Федорова = Давыдова Э. А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М., 1968, с.6,7,9,10; Она же Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе. - В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969, с.74 и сл.
- 2 Матвеева Г. И. Раскопки курганов у г.Троицка. - ВАУ, 2. Свердловск, 1962, с.33,34, рис.11,12.
- 3 Стоколос В. С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного. - "Краеведческие записки", I. Челябинск, 1962, с.3-13.
- 4 Стоколос В. С. Курганы ..., рис.1, д,е.
- 5 Стоколос В. С. Курганы..., рис.4а.
- 6 Стоколос В. С. Курганы ..., рис.2а, б,е; 4,б.
- 7 Стоколос В. С. Курганы ..., рис.1,а,б; 3,б,е, с.13.
- 8 Ашихмина Л. И., Петрин В. Т., Чебакова Т. Н., Смирнов Н. Г. Исследования в Брединском р-не Челябинской обл. - АО 1973 г. М., 1974, с.132,133; Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И. Могильник эпохи бронзы на р.Синташта.- АО 1974 г. М., 1975, с.144-147; Генинг В. Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника).-

- В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. I. Киев, 1975, с. 94, 95.
- 9 Г е н и н г В . Ф . , В и н о г р а д о в Н . Б . Новый могильник середины П тысячелетия до н.э. на р. Синташта. - АО 1975 г. М., 1976, с. 168, 169.
- 10 С а л ь н и к о в К . В . Царев курган на р. Тоболе. - ВАН, 2, с. 41; О н ж е . Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 33, рис. 13, 9.
- 11 С а л ь н и к о в К . В . Очерки..., рис. 36, 4, 7; 50, 1, 3, 6.
- 12 П о т е м к и н а Т . М . Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол. - В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья, 4. Челябинск, 1969, с. 5-14, рис. 4; 5. Приносим благодарность Т.М. Потемкиной за разрешение сослаться на частично неопубликованные материалы. Керамика новокумакского типа открыта также в нижнем слое на поселении Конезавод III на р. Тобол. (Е в д о к и м о в В . В . Раскопки в Кустанайской обл. - АО 1976 г. М., 1977, с. 510).
- 13 Возможно, что к этому хронологическому горизонту принадлежит и богатое погребение, раскопанное в 1924 г. у Кокчетав на берегу р. Чаглинка, содержащее скелет мужчины в скорченном положении, головой на запад, в сопровождении лепных сосудов, молотка из белого камня, шлифованного утюжка из яшмы, шести кремневых и четырех костяных стрел, подвесок из зубов, рога быка и двух конских черепов (Л е н т о в с к и й М . Н . Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав, 1928; Ф о р м о з о в А . А . Археологические памятники в районе г. Орска. - КСИИМК, 36, 1951, с. 120, 121).
- 14 З д а н о в и ч Г . Б . , З д а н о в и ч С . Я . Работы в Северном Казахстане. - АО 1968 г., М., 1969, с. 405; З д а н о в и ч Г . Б . Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской обл. - ВАН, 12, Свердловск, 1973, с. 26-28, рис. 2; О н ж е . Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. канд. дисс. М., 1975, с. 12, 13, 15.
- 15 З д а н о в и ч Г . Б . , З д а н о в и ч С . Я . Археологические исследования в Северном Казахстане. - АО 1969 г. М., 1970, с. 392, 393; З д а н о в и ч Г . Б . , З д а н о в и ч С . Я . , З а й - б е р т В . Ф . Работы в Северном Казахстане. - АО 1970 г. М., 1971, с. 404, 405; О н и ж е . Работы в Северном Казахстане. - АО 1971 г. М., 1972, с. 496, 497; З д а н о в и ч Г . Б . Стратиграфия поселения Новоникольское I. - В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 113-127, рис. 2; О н ж е . Поселение эпохи бронзы Новоникольское I. - "Из истории Сибири", 15, Томск, 1974; З д а н о в и ч Г . Б . Периодизация и хронология ..., с. 12-15. Аналогичные комплексы получены в могильнике Кенес и на однослойных

поселениях Амангельды и Кеноткель IX (Зданович Г. Б., Хабдулина М. К. Петровские (раннеалакульские) комплексы Северного Казахстана. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с.95, 96; Зданович Г. Б. Раннеалакульский комплекс у с. Кенес. — В кн.: Вопросы истории и литературы. Караганда, 1975, вып.3.

К ГЛАВЕ Ш

- 1 Пряжин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976, с. III, II2
- 2 В последние годы открыто огромное количество новых абашевских памятников, в том числе в Среднем Поволжье (Васильев И. Б. Абашевские памятники лесостепного Заволжья. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с.52,53; Он же. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья. — В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып.У. Куйбышев, 1975, с.3-13), Приуралье — могильник в Никифоровском лесничестве (Васильев И. Б., Матеева Г. И. Исследования в бассейне р. Самары и на Самарской луке. — ОА 1975 г. М., 1976, с.162; Васильев И. Б. Новые абашевские находки в Заволжье. — В кн.: Из древней истории Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976); и в Башкирии (Горбунов В. С. Классификация абашевских могильников Башкирии. — В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976).
- 3 Сальников К. В. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. — В кн.: Башкирский археологический сборник, I. Уфа, 1959, с.31-46; Он же. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии. — АЭБ, П. Уфа, 1964, с.73,74; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с.101-109.
- 4 Пряжин А. Д., Горбунов В. С. Абашевские памятники у с. Береговки в Башкирии. — АО 1975 г. М., 1976, с.198,199; Горбунов В. С. Могильники уральской абашевской культуры в Южной Башкирии. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, с.54-56. Та же стратиграфия установлена на поселении Набережное I, где абашевский слой перекрыт срубным (Горбунов В. С. Раскопки в верховьях р. Демы. — АО 1976 г. М., 1977, с.141).
- 5 Пряжин А. Д. Поселения ..., с.96, 102; Горбунов В. С. Раскопки в верховьях р. Демы, с.140.
- 6 Пряжин А. Д. Поселения ..., с. 70,76,83,84; Он же. Новые сведения об абашевской культуре. — АО 1970 г. М., 1971, с.63, 64; Он же. О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья. — СА, 1975, № 4, с.154-162; Васильев И. Б.

- Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья, с.3-13.
- 7 П р я х и н А . Д . Поселения ..., с.45-57, 62.
  - 8 Ш а п о в а л о в Т . А . Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. - В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с.151,153,158-160,169-171.
  - 9 Ш а п о в а л о в Т . А . Поселение ..., рис. 4, I (раннесрубный горизонт), 2-4 (сабаатиновский горизонт П). Ср.: С м и р н о в К . Ф . Археологические данные о древних всадниках Поволжско=Уральских степей.- СА, 1961, № I, рис.1;9,2.3. Псалий I типа найден на поселении Проказино в комплексе с раннесрубной и многоваликовой керамикой. (Б р а т ч е н к о С . Н . Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с.152, рис. 72, IУ,2). Уточнение хронологии псалиев см: M o z s o l i s A . Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest. 1967, s.121-126.
  - 10 Ш а п о в а л о в Т . А . Поселение ..., с.156, 158, рис.3.
  - 11 Ч е р е д н и ч е н к о Н . Н . Поселение срубной культуры на Луганщине. - СА, 1970, № I.
  - 12 П р я х и н А . Д . , Г о р б у н о в В . С . Абашевские памятники ..., с.198,199; Г о р б у н о в В . С . Могильники ...
  - 13 Н и г м а т у л и н Р . А . Новые материалы по срубной культуре из Старо=Ябалаклинского могильника. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, с.68.
  14. П р я х и н А . Д . Новые сведения ...; О н ж е . Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973, с.93.
  - 15 Б а д е р О . Н . Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, с.45-47; К о с м е н к о М . Г . , К а з а к о в Е . П . О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы. СА, 1976, № 2, с.228-231.
  - 16 Л и б е р о в П . Д . Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.,1964, рис. 42, 2-5; 45.
  - 17 К а ч а л о в а Н . К . Ильменские курганы. - АСТЭ, 12, 1970, с.7-34.
  - 18 Б е р е з а н с к а я С . С . Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. - СА, 1960, № 5; О н а ж е . О погребениях культуры многоваликовой керамики. - В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья, 4. Одесса, 1962; О н а ж е . Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974, с.141. Считаю своим долгом выразить благодарность С.С.Березанской за консультацию. Сходство одной группы синташтинской керамики с многоваликовой отмечал и В.Ф.Генинг (Хронологические комплексы ХVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника). - В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. I. Киев, 1975, с.95).

- 19 Березанская С. С. Об одной из групп ..., рис.5,7-10; Латынин Б. А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. - АСТЭ, 6, 1964, рис.1,4; Братченко С. Н. Памятники богатоваликовой керамики. - В кн.: Археология Украинской РСР. Киев, 1971, с.334-343, рис.95.
- На западе находит прототипы и такой самобытный мотив декора, как спускающиеся от плеча ко дну ломаные линии, образующие ленты (Латынин Б. А. Молоточковидные булавки. - АСТЭ, 9, 1967, рис.11,3). Этот же орнамент, но в иной композиции и расположенный на шейке сосуда, есть в абашевской культуре (Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Абашевская культура в Поволжье. - МИА, № 97, 1961, рис.22, 2,4).
- 20 Кривцова = Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. - МИА, № 46, 1955, с.84, рис.16,1; Либеров П. Д. Племена Среднего Дона ..., с.83-98, рис.38; 42; 43.
- 21 Либеров П. Д. Племена Среднего Дона ..., рис.42,2-5; 45.
- 22 Либеров П. Д. Племена Среднего Дона..., с. 82-110.
- 23 Латынин Б. А. К вопросу о памятниках ..., с.66,70, рис.4, 5,6.
- 24 Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону. - СА, 1977, № 1, с.139-148, рис.2,1,2,6; 4, 4,5.
- 25 Разведки В.Д.Белецкого (ГЭ). Белецкий В. Д., Кузьмина Е. Е. Этапы развития культур энеолита и бронзового века в Северном Прикаспии (в печати). Фисенко Ф. А. Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал. - СА, 1964, № 4, с.182, рис.1.
- 26 Синицын И. В., Фисенко В. А. Раскопки на Утесе Степана Разина. - АО 1969 г. М., 1970, с.154; Алихова А. Е. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61, 1958, с.168.
- 27 Братченко С. Н. Богатшарове поселення Лівенцівка на Нижньому Дону. - "Археологія", XXII. Київ, 1969, с.210-231, рис.6-8; Он же. Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона. Автореф. канд. дисс. Киев, 1969, с.19; Он же. Нижнее Подонье, с.132, рис.69.
- 28 Березанская С. С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974, с.118, 141; Чередниченко Н. Н. Поселение срубной культуры ...; Писларий И. А. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры. - В кн.: Открытия молодых археологов Украины, ч.1. Киев, 1976, с.18-19.

- 29 Максимов Е. В., Петровская Е. А. Археологические памятники в окрестностях с. Большая Андрусовка на Тясми-не. - КСИА АН УССР, 8, 1959, с.22,23, табл. I, 4; Б р а т ч е н к о С. Н. Нижнее Подонье, с.151, рис. 72, IV, 15.
- 30 С в е ш н і к о в І. К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III - на початку II тис. до н.е. Київ, 1974, с.162-167, рис. 13,9; 53; Ч е р н и к о в І. Т. Племена северо-западного Причерноморья в позднем бронзовом веке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1975, с.16,21.
- 31 Качалова Н. К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа. - АСТЭ, 5, 1962, с.31-49; О н а ж е. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. канд. дисс. Л., 1965; О н а ж е. О выделении полтавкинской культуры. - КСИА, 112, 1967, с.14-22. Благодарим Н.К.Качалову за консультацию.
- 32 Качалова Н. К. К вопросу о памятниках ..., рис. 2.
- 33 В а с и л ь е в И. Б. и др. Раскопки курганов в Среднем Поволжье. АО 1972 г. М., 1973, с.165, 166; О н ж е. Раскопки в Куйбышевской обл. АО 1973 г. М., 1974, с.135; О н ж е, А г а п о в С. А., О б ы д е н н о в М. Ф., Ж и г у л и н а Л. Н., Н е п о ч а т ы х В. А., С к а р б о в е н к о В. А., И в а н о в В. А., К а л и н и ч е н к о С. Е., М а т в е е в а Г. И. Работа средневожской экспедиции. АО 1974 г. М., 1975, с.133; В а с и л ь е в И. Б., А г а п о в С. А. Покровский курганный могильник. - В кн.: Сборник Куйбышевского Государственного университета. Куйбышев, 1976; А г а п о в С. А., Б а г а у т д и н о в Р. С., Г а б е л к о Н. Л., Ж и г у л и н а Л. Н., М а ж а н о в а И. Н., М а т в е е в а Г. И., С к а р б о в е н к о В. А., П я т ы х Г. Г., Т и х о м о л о в а И. Р. Работы новостроечных отрядов Куйбышевского университета. АО 1975 г. М., 1976, с.153; М а т в е е в а Г. И. Итоги и задачи исследования Средневожской археологической экспедицией памятников неолита и бронзового века. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, с.4; Б а г а у т д и н о в Р. С., П я т ы х Г. Г. Преполовенка I - новый памятник эпохи ранней бронзы Куйбышевского Заволжья. - Там же, с.37,38. Пользуемся случаем выразить благодарность куйбышевским коллегам за разрешение ознакомиться с неопубликованным материалом.
- 34 Р ы к о в П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае. Саратов, 1927, с.102, 103.
- 35 М е л е н т ь е в А. Н. Новые погребения эпохи бронзы в Волго-Уральском междуречье. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и

Приуралья, с.62,63.

- 36 Сборы Филиппченко В.А. 1956 г. Астраханский музей.
- 37 Белецкий В.Д., Кузьмина Е.Е. Этапы развития ...
- 38 Кузьмина Е.Е. Две коллекции из Западного Казахстана. - "Сообщения ГЭ", XL I, 1976, с.25,26.
- 39 Федорова = Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. - АЭБ, П. Уфа, 1964, с.83-90; Она же. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М., 1968; Смирнов К.Ф., Федорова = Давыдова Э.А. Соотношение культур медно=бронзового века в Заволжско=Оренбургских степях. - В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. Баку, 1965, с.79; Кузьмина Е.Е. Две коллекции ...; Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Ранние погребальные комплексы под Орском и проблема хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, с.46-47.
- 40 Шолов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с.106,107. Рецензию Е.Е.Кузьминой на книгу В.П.Шолова см.: СА, 1977, № 2, с.264.

К ГЛАВЕ IV

- 1 Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культя коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. - В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- 2 Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Ранние погребальные комплексы.
- 3 Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. - МИА, № 60, 1959, рис.12,6; 28,15; Синицын И.В. Памятники родового общества степей Заволжья. - "Уч. зап.Саратовского университета", ХУI, 1958, рис.4,5.
- 4 Андроновская культура. Вып. I. Памятники западных областей. - САИ, вып. ВЗ=2, 1966, табл. IV (Черняки); X-XIV (Алакуль); XXX-XXXII (Тасты=Бутак); Кривцова = Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник. - "Труды ГИМ", ХУП, 1948, рис.52-54; Сальников К.В. Курганы на оз. Алакуль. - МИА, № 24, 1952, рис.9-14; Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты=Бутак. - МИА, № 120, 1962, табл. XLIII-IXIII; Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, рис.10; II (Черняки); 15, I (Спасское I); Кузьмина Е.Е. Отчет о раскопках Еленовского отряда в 1969 г.(Алакуль). Архив ИА АН СССР.

- Р-І Инв.№ 3994. Те же мотивы представлены на алакульской керамике Северного (Зданович Г.Б. Керамика ..., рис.2) и Центрального (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл.Ш) Казахстана.
- 5 Анализ выполнен в лаборатории ИА АН СССР.
  - 6 Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
  - 7 Иессен А.А. К хронологии Больших Кубанских курганов. - СА, ХП, 1950, с.171, 193, 198.
  - 8 Кривцова = Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. - МИА, № 46, 1955, с.57-58; Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. - МИА, № 90, 1960, с.65,66, табл.ХХУ.
  - 9 Такие же пропорции у некоторых абашевских тесел, например, из Русско-Тангировского могильника (Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии. - В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976, рис. 6,8), чем они принципиально отличаются от вытянутых тесел малокизильских и коршуновского.
  - 10 Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. - САИ, вып.В4-9, 1966; Она же. Результаты работ на Эмбе в 1958 г. - КСИА, 85, 1961, с.91-93.
  - 11 Интересно отметить, что очень близкий по форме архаичный нож найден в полтавкинском погребении в Преполовенке (Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г. О восточных связях полтавкинских племен в Куйбышевской обл. - В кн.: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977).
  - 12 Кривцова = Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье ..., с.54-56; Кузьмина Е.Е. Металлические изделия ..., с.41-43; Чередниченко М. Про классификацию раннеозрубных ножей с намечающимся перехрестям. - В кн.: Материалы XII юбилейной конференции ИА АН УССР. Київ, 1968; Черных Е.Н. Древнейшая металлургия ..., с.62.
  - 13 Gimbuta M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Cambridge (Mass.).1966, p. 107, 223, fig.156.
  - 14 Синицын И.В. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея. - "Известия Саратовского института краеведения", т.У, 1932, с.27; Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губ. - ТСАРАНИОН, IУ, 1928, рис.4I; Смирнов К.Ф. Быковские курганы. - МИА, № 78, 1960, с.173, рис.1,2; Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, с.78-81, рис.55

- (обращает на себя внимание сходство сосудов из этого комплекса у Макаровки с новокумакскими: там же, табл. 5,2,3); А л и х о в а А . Е . Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. - КСИИМК, 59, 1959, рис.36 (нож слабо моделирован); З в е р е в С . Е . Мазурский курган. - "Архивное дело", 1899, № 66, с.33; С и з о в В . И . Скорняковские курганы в Воронежской губ. - "Древности", XII, 2, 1888, с.125-127, табл.А,Б, рис.1; К р и в ц о в а = Г р а к о в а О . А . Степное Поволжье и Причерноморье ..., рис. 129, II (курган 32); К о р н ю ш и н Г . И . Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда. - КСИИМК, 127, 1971, рис. 34,9 (датировка эпохой поздней бронзы ошибочна); К у к о в Р . Die Chvalynsker Kultur. ESA, I. Helsingfors, 1927, taf. 19,2.
- 15 Х а л и к о в А . Х . Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с.241-254, рис.55-57.
- 16 Т о л м а ч е в В . Раскопки и разведки 1910 г. близ г. Бугуруслана. - ИАК, 53, 1914, с.114; Ф о р м о з о в А . А . Археологические памятники в районе г. Орска. - КСИИМК, 36, 1951, с.120,121, рис.32. Не исключено, что это грунтовое парное захоронение, сопровождавшееся костями лошади, двумя сосудами, копьем, теслом, двумя ножами, каменными стрелами и кабаньими клыками, относится к новокумакскому этапу. Отсутствие керамики не позволяет подтвердить это предположение.
- 17 С о р о к и н В . С . Археологические памятники северо-западной части Актыбинской обл. - КСИИМК, 71, 1958, с.78-80, рис.20; Андроновская культура, I, с.58, табл. XXXVШ, 29. В детской могиле, перекрытой погребением с ножом, обнаружены меловая подсыпка и сосуды, сопоставимые с новокумакскими (С о р о к и н В . С . Отчет о раскопках за 1955 г. Архив ИА, № II74, с.39,40, рис.67).
- 18 Андроновская культура, вып. I, табл. XXXVШ, 15,22; XXXVШ, I, 13; Ф е д о р о в а = Д а в ы д о в а Э . А . Андроновское погребение XV-XШ вв. до н.э. - "Труды ГИМ", 37, 1960, рис.2,2 (нож слабо моделирован и близок новокумакскому); О н а ж е . Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе. - В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969, рис. 18; Ф е д о р о в а = Д а в ы д о в а Э . А . , М о ш к о в а М . Г . Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. - КСИИМК, 101, 1964, рис.42,6; К р и в ц о в а = Г р а к о в а О . А . Алексеевское поселение и могильник, рис.74; К у з ь м и н а Е . А . Купухта - могильник андроновской знати. - КСИИМК, 93, 1963, рис.39,6; С а л ь - н и к о в К . В . Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис.51,10; П о т е м к и н а Т . М . К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов. - В кн.: Из истории Сибири, УП. Томск, 1973, рис.4,2; С т о к о л о с В . С . Культура населе-

- ния бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с.40.
рис. 10; 11.
- 19 Г о р о д ц о в В . А . Культура бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, с.30,31.
- 20 К у з ь м и н а Е . Е . Металлические изделия ..., с.11, 84,92,93.
- 21 Ч е р н и к о в С . С . Восточный Казахстан в эпоху бронзы. - МИА, № 88, 1960, с.83. Следует отметить, что большинство орудий, специфич-ных для казахстанской металлургической провинции (по терминологии Е.Е.Кузминой), относится только к эпохе поздней бронзы.
- 22 С а ф р о н о в В . А . Хронология памятников П тысячелетия до н.э. юга Восточной Европы. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- 23 К у з ь м и н а Е . Е . Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз. - В кн.: Из истории Сибири, УП, Томск, 1973, с.31-39.
- 24 Ч е р н ы х Е . Н . Древнейшая металлургия ..., с.123,124.
- 25 Г о р б у н о в В . С . Классификация ..., рис.6.
26. Ч е р н ы х Е . Н . Древнейшая металлургия..., с.15,28,95-97, рис.26.
27. П и с л а р и я И . А . , Ф и л а т о в А . П . Тайны степных курганов. Донецк, 1972, с.62-63; К о п ы л А . Г . , Т а т а р и - н о в С . И . , М е ц е н к о В . Н . Работы Артемовского от-ряда. - АО 1975 г. М., 1976, с.342; Т а т а р и н о в С . И . , Ш е л и т ь к о А . А . Новые данные о древних медных рудниках Дон-басса. - АО 1976 г. М., 1977, с.379-380.
- 28 Ч е р н ы х Е . Н . Древнейшая металлургия ..., с.15,34, рис.19; 28.
- 29 Ч е р н ы х Е . Н . Древнейшая металлургия ..., № 844,845;
- Ф е д о р о в а = Д а в ы д о в а Э . А . Андроновское погребение...
- 30 К у з ь м и н а Е . Е . Периодизация могильников Еленовского микро-района андроновской культуры. - В кн.: Памятники каменного и бронзо-вого веков Евразии. М., 1963.
- 31 Ч е р н ы х Е . Н . Древнейшая металлургия ..., рис.45,12; 52,1; 57,13,29,31,35,37,38,41; 58,1-13.
- 32 К у з ь м и н а Е . Е . Взаимоотношения андроновских и абашевских племен. - В кн.: VI Уральское археологическое совещание. Тезисы. М., 1977, с.47. Это отнюдь не опровергает высказывавшегося нами предполо-жения о влиянии южных областей Средней Азии на развитие некоторых ти-пов украшений на развитом этапе андроновской культуры (К у з ь м и - н а Е . Е . Металлические изделия ..., с.84,85).
- 33 К о р е н е в с к и й С . Н . Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы. Автореф. канд. дисс. М., 1975.
- 34 Р у м я н ц е в А . Н . Некоторые вопросы развития наконечников копий эпохи бронзы в Северном Причерноморье. - СА, 1974, № 1.

- 1 Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поозолжья. М., 1970, с.94-97, 102, 103, рис.67.
- 2 Сальников К. В. Из истории древней металлургии на Южном Урале. - АЭБ, т.1. Уфа, 1962, с.74; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с.101-109.
- 3 Черных Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с.152-158, рис.58.
- 4 Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976; Пряхин А. Д., Сагайдак В. И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры. - СА, 1975, № 2, с.176-188; Сагайдак В. И. Бронзолитейная мастерская срубной культуры. - АО 1972 г. М., 1973, с.88,89.
- 5 Череди́ченко Н. Н. История срубных племен Подонья. Автореф. канд. дисс. Киев, 1973, с.17; Череди́ченко М. М. Питание хронологии абашевской культуры Среднего Дона. - "Археология", 1972, № 6.
- 6 Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с.148-151.
- 7 Сальников К. В. Очерки ..., с.131, 132, рис.12,25-31.
- 8 Халиков А. Х. Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с.48-49.
- 9 Качалова Н. К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья. - АСТЭ, 17, 1976, с.5-17.
- 10 Рыков П. С. Археологическая экспедиция по Хопру. - СГАИМК, 1931, 8, рис. на с.34; Смирнов К. Ф. Быковские курганы. - МИА, № 60, 1959, с.180-187, рис.6,14; Синицын И. В. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции. - КСИИМК, 63, 1956, рис.31; Он же. Археологические исследования Заволжского отряда. - МИА, № 60, 1959, с.166-168.
- 11 Качалова Н. К. Абашевские элементы ..., рис.2,8.
- 12 Михайлов Б. Д. Раскопки на р. Молочной. - АО 1973 г. М., 1974, с.308.
- 13 Братченко С. Н. Памятки ..., с.229; Он же. Нижнее Подонье ..., с.117, 118, 151-153; Он же. Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона. Автореф. канд. дисс. Киев, 1969, с.22; Березанская С. С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974, с.141; Шевшиков И. К. История населения Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III - на початку II тис. до н.е. Київ, 1974, с.162.

- 14 Э д а н о в и ч Г . Б . , Х а б д у л и н а М . К . Петровские раннеалакульские комплексы Северного Казахстана. - В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья, с.96; Г е н и н г В . Ф . , В и н о г р а д о в Н . Б . Новый могильник середины П тысячелетия до н.э. на р. Синташта. - АО 1975 г., М., 1976, с.168; Г е н и н г В . Ф . Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника). - В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. I. Киев, 1975, с.94.
- 15 Л е с к о в А . М . Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. - СА, 1964, № 1; Р ы б а л о в а В . Д . Костяные псалии с поселения Каменка близ Керчи. - СА, 1966, № 4; О н а ж е . Поселение Каменка в Восточном Крыму. - АСТЭ, 16, 1974, с.27, 47; Л а т ы н и н Б . А . Архаические круглые псалии с шипами. - МИА, № 130, 1965; П р я х и н А . Д . Курганы поздней бронзы у с. Старо-Юрьево. - СА, 1972, № 3, с.236, рис.3; В а с и л ь е в И . Б . Раскопки в Куйбышевской обл. - АО 1973 г. М., 1974, с.136, рис. ; О н ж е . Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья. - В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975, рис.6; Т и х о н о в Б . Г . Воронежская новостроечная экспедиция. - АО 1971 г. М., 1972, с.78; П р я х и н А . Д . Поселения ..., с.52, 122-124; Г о р б у н о в В . С . Классификация абашевских могильников Башкирии. - В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976, с.33, рис.8, II.
- 16 Псалий в Тавлыкаеве найден в закрытом комплексе вместе с двумя костяными лопаточками, аналогичными предмету из кургана 4 Набережного могильника абашевской культуры, где был также нож с намеченным перекрестием (Г о р б у н о в В . С . Классификация ..., с.33, рис.8, IO; О н ж е . Раскопки..., с.140) и фрагментированной лопатке из абашевского Пепкинского кургана (Х а л и к о в А . Х . Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966, табл. VI, 5) и из Нугушской пещеры в Поволжье (приносим благодарность И.Б.Васильеву, ознакомившему нас с этой находкой). Уникальность формы этих изделий позволяет датировать их по дисковидному псалию.
- 17 Микенский орнамент украшает костяное кольцо с Шиловского поселения (П р я х и н А . Д . Поселения ..., рис. IO, I7).
- 18 Л а т ы н и н Б . А . Архаические круглые псалии ...
- 19 W a s e A . A Mucenaen Mystery. - "Archaeology", 1960, v.13, N 1, p.40-43; F o l t i n y S . The Ivory Horse Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality. - "Bonner Jahrbücher", 1967, N 167; L i t t a u e r M . Bits and Pieces. - "Antiquity", 1969, v. XLII, N 172; p. 289-300.

- 20 Evans A. The Palace of Minos at Knossos, v.1. London, 1927, fig. 810, 811.
- 21 Wace A. Chamber Tombs of Mycenae. - "Archeologia", 1932, LXXXII; Wace A., Blegen C. Pottery as Evidence for Trade and Colonization in the Aegaen Bronze Age. - "Klio", 1939, XXXII, p. 131-147; Wace A. Mycenae. An Archaeological History and Guide. Princeton, 1949; Furumark A. The Chronology of Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941; Mylonas G. Ancient Mycenae the Capital City of Agamemnon. London, 1957, p. 181; Marinatos S. Crete and Mycenae. London, 1960, p. 177; Teylour W. The Mycenaens. N.Y., 1964.
- 22 Potratz J.A. Die Pferdetransporten des alten Orient. - "Analecta Orientalia", 1966, 41, Abb. 1, 21; Taf. XIX, 41; Nagel W. Der Mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung in Ostmediterranean Bereich. Berlin, 1966, S. 80, Abb. 28; Jadin J. The Art of Warfare. Jerusalem, 1963, fig. Не беремся судить, насколько обоснован пересмотр даты псалив из Гаан. Р. Бёмером, отнесшим их в 1972 г. к последней четверти Птысячелетия до н.э.
- 23 Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. - СА, 1961, № I; Кузьмина Е. Е. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке. - В кн.: У Всесоюзная сессия по Древнему Востоку. Тбилиси, 1971, с. 92, 93; Она же. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. - ВДИ, 1974, № 4, с. 82; Лесков А. М. Древнейшие роговые псалии ..., с. 302; Чередниченко Н. Н. История ..., с. 28-29; Он же. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. - В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины, с. 147-148.
- 24 Littauer M. Bits and Pieces, p. 298.
- 25 Этот вывод сделан в отношении лошадей из ритуальных захоронений в хеттском могильнике Османкаяси (Нерге W., Röhrg M. Die Tiere aus den Hethitiergräbern von OsmanKayasi. - In: Vitte K. Die hethitischen Grabfunde von OsmanKayasi. Istanbul, 1958) и уникального в древнем Египте захоронения коня в крепости Бухен (Воевьянск J. Ein altägyptisches Pferdeskelett. - "Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institut", 1970, Bd. 26, S. 43-47).
- 26 Интересно профильное изображение двухколесной колесницы на плите 27 в Каменной могиле на Украине (Рудинский М. Кам'яна могила. Київ, 1960, табл. 20), отличное от обычных в Евразии изображений колесниц как бы распластанными (Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт ..., с. 82) и сходное с профильными изображениями колесниц на стенах шахтных гробниц (Апати Е. Bronze Age Chariots from Europe. - PPS, NS, XXVI, 1960, fig. 3, 4).

- 27 **Жамсон М.** Mycenaean Religion. - "Archaeology", 1960, v.13, N 1.
Захоронения двух коней открыты также в дромосе микенского толоса в Марафоне (Vanderpool E. New Letter from Greece. - AJA, 1959, v.63, N 3, p.277-283).
- 28 **Кузьмина Е. Е.** Распространение коневодства.
- 29 **Мулопав Г.** Ancient Mycenae, pl. 46. Преждевременно делать из этих фактов далеко идущие выводы о расселении индоевропейцев, но целесообразно накапливать новые наблюдения под этим углом зрения. В этой связи интересно вспомнить, что еще В.Риджуэй (Ridgeway W. The Early Age of Greece. Cambridge, 1901) подчеркивал роль микенской цивилизации и связи ее носителей с другими индоевропейскими народами.
- 30 **Чайлд Г.** У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с.59, рис.61; **Кузьмина Е. Е.** Периодизация могильчиков Еленовского микрорайона андроновской культуры. - В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии, с.136,137, рис.3; **Налл Н.** The Civilization of Greece in the Bronze Age. London, 1928, p.88, fig. 100.
- 31 **Каро Г.** Die Schachträber von Mykenai. München, 1930, Taf. XCV-XCVII; **Апати Е.** Bronze Age Chariots..., fig. 5, 3, 5; pl. VII.
- 32 **Мерперт Н. Я.** Срубная культура Южной Чувашии. - МИА, № III, 1962, с.21.
- 33 **Чайлд Г.** У истоков ..., с.114,115; **Каро Г.** Op.cit.
- 34 **Сулимирский Т.** Prehistoric Russia. London, 1970, p.274-276. Предположение о микенских торговых факториях, подобных ассирийским, опровергается, во-первых, малочисленностью импорта, во-вторых, отмечаемым самим Сулимирским наличием поздних вещей, на которых микенский орнамент сохраняется лишь пережиточно, - например, псалля из-под Львова (ibid., fig. 66), по А.Можолич относящегося к типу Борьяш и датирующегося XII в. до н.э.
- 35 **Вересанская С. С.** Hauptetappen der Entwicklung der Beziehungen der Ukraine mit des Ostlichen Mittelmeer- und Donaugebietern in der Bronzezeit. - In: VIII Congres international des sciences préhistorique et protohistorique. Belgrad, 1971, s.7,8.
- 36 **Штерн Э. Р.** Бессарабская находка древностей в 1912 г. - МАР, 34, 1914, с.13; **Кривцова = Гракова О. А.** Бессарабский клад. - "Труды ГИМ", I, 1949, с.23; **Бочкарев В. С.** Проблема Бородинского клада. - В кн.: Проблемы археологии, I. Л., 1968, с.129-154; **Сафронов В. А.** Датировка Бородинского

- клада. - Там же, с.75-128.
- 37 С п и ц ы н А . А . Бородинский клад. - В кн.: Сборник в честь гр. П.С.Уваровой. М., 1916, с.108-115.
- 38 Н а н ш а н Р . Die frühe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel- und südosteuropäische Beziehungen. Hamburg, 1957.
- 39 Т е р е н о ж к и н А . И . Основы хронологии предскифского периода. - СА, 1965, № I, с.63-85.
- 40 М е р п е р т Н . Я . Срубная культура Южной Чувашии, с.19-21.
- 41 К р и в ц о в а = Г р а к о в а О . А . Бессарабский клад.
- 42 G i m b u t a s M . Borodino, Seima and their Contemporaries.- PPS, XXII, 1957, p.144.
- 43 М о з в о л и с в А . Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967, в. 121-123. Схема А.Можолитч не была принята Б.Хензелем, принимающим длинную хронологию карпатских бронз.(Н ä n s e l В . Beitrage zur Chronologie der Mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. Bonn. 1968).
Только что вышла в свет важная работа: Ч е р е д н и ч е н к о Н . Н . Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.- "Археологія", Київ, 1977, № 22, с.3-21.
- 44 Б о ч к а р е в В . С . Проблема Бородинского клада.
- 45 С а ф р о н о в В . А . Датировка Бородинского клада.
- 46 Б е с с о н о в а С . С . Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове. - В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, с.59, рис.4.
- 47 Приносим благодарность С.С.Березанской, любезно предоставившей нам рисунок этого сосуда.
- 48 Ш а п о в а л о в Т . А . Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. - В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с.160 (раскопки В.И.Митрофановой).
- 49 Ш а п о в а л о в Т . А . Поселение ..., с.158, 159, рис.5.
- 50 М а г и н а т о в S . Crete and Mysenae, p.90, fig.202; Т а в і с Н . The Problem of Mysenean Influences in Middle Bronze Age Culture in the Southeastern Part of the Carpathian Basin. - "Balcanica", IV, Beograd, 1973, p. 32, pl. IV, 4.
51. К о р н ю ш и н Г . И . Курганы... Ранняя дата комплекса подтверждается архаичной формой ножа и круглых височных колец.
- 52 Г о р б у н о в В . С . Курганы эпохи бронзы на правобережье реки Демы (Башкирия). - СА, 1977, № I, с.155-161, рис.6-8.
- 53 Е ф и м е н к о П . П . , Т р е т ь я к о в П . Н . Абашевская культура в Поволжье. - МИА, № 97, 1961, рис.10-16.

- 54 Горбунов В. С. Курганы ..., с.151, рис.3,6.
 55 Горбунов В. С. Курганы ..., рис.6,25.
 56 Горбунов В. С. Курганы ..., с.157, рис.8.
 57 F u r u m a r k A. The Chronology ...,passim; K a r o G. Die Schachträber von Mykenae, Taf.VI, VIII, XX, XXI; A n a t i E. Bronze Age Chariots ..., fig.3; 4.

К ГЛАВЕ VI

- 1 Ф о р м о з о в А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. - КСИИМК, XXXIX, 1951.
 2 З д а н о в и ч Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской обл. - ВАУ, 12. Свердловск, 1973. с.40,41.
 3 К р и ж е в с к а я Л. Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья. - В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
 4 Б р а т ч е н к о С. Н. Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона. Автореф. канд. дисс. Киев, 1969, с.20-23; О н ж е. Нижнее Подонье ..., с.117-118.
 5 Т о л с т о в С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с.68; О н ж е. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с.59; Б е р н ш т а м А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности. КСИЭ, XXVI, 1957; Ч е р н и к о в С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. - Там же; М е р п е р т Н. Я. Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века. - В кн.: История СССР, т.1. М., 1966; С м и р н о в К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. - СА, 1957, № 3; О н ж е. Савроматы. М., 1964; К у з ь м и н а Е. Е. Южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. - В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963; А к и ш е в К. А. Саки азиатские и скифы европейские. - В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с.43-58.
 6 Y e t t m a r K. Zur Wanderrungsgeschichte der Iranier.- In:Die Wiener Schule der Völkerkunde. 25 Jährigen Bestand. Wien, 1956.
 6а К у з ь м и н а Е. Е., С м и р н о в К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. - В кн.: Этнические проблемы древней истории Центральной Азии. М., 1977.
 7 G e i g e r W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882; O l d e n b e r g H. Die Religion des Veda. Berlin, 1894.

- 8 Предпринимаемая в последние годы попытка локализовать прародину индоиранцев на территории Передней Азии несостоятельна: хотя там во II тысячелетии до н.э. тоже сложились общины, основу хозяйства которых составляло скотоводство, но географическая среда и тип хозяйства у них были принципиально отличны от описанных в Ригведе и Авесте, — они ютились на небольших участках, на окраине земледельческих оазисов, в полупустынных и горных районах (что не соответствует картине "широкого арийского простора") и разводили исключительно овец и ослов (К л е н г е л ь Х . Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии. — ВДИ, 1967, № 4; К у з ь м и н а Е . Е . Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии. — В кн.: Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974, с.42-45; К и р р е г J . R . Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari. Paris, 1957; Akten des XXIV Internationalen Orientalisten Kongresses, Wiesbaden, 1959, s.152).
- 8а. М и л л е р В . Осетинские этюды. М., 1887, ч.Ш; А б а е в В . И . Осетинский язык и фольклор. М., 1949; О н ж е . К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972; Т о п о р о в В . Н . , Т р у б а ч е в О . Н . Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; С т р и ж а к О . С . Гидронимия среднеднепровского левобережья. Автореф. канд. дисс. Киев, 1965; Т р у б а ч е в О . Я . О синдах и их языке. — "Вопросы языкознания", 1976, № 4; Б а р р о у Т . Санскрит. М., 1976; V a n s e r M . Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
- 9 Д ь я к о н о в И . М . История Мидии. М.-Л., 1956, с.124; И в а н о в В . В . Т о п о р о в В . Н . Санскрит. М., 1960, с.13; Д ь я к о н о в М . М . Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с.40-43; Г р а н т о в с к и й Э . А . Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с.351-358; Б о н г а р д = Л е в и н Г . М . , И л ь и н Г . Ф . Древняя Индия. М., 1969, с.121-124; Г а ф у р о в Б . Г . Таджики. М., 1972, с.27-33; Е л и з а р е н - к о в а Т . Я . Ригведа. Комментарий. М., 1972; К у з ь м и н а Е . Е . Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ, 1974, № 4; История таджикского народа. М., 1963.
- 10 В a r r o w T . The Proto-Indoaryans.— JRAS, 1973, № 2, p.123-140; M o r g e n s t i e r n e G . Ancient Contacts between N=E. Iranian and Indo-Aryan? — In: Melanges linguistiques offerts à E. Benveniste. Paris, 1975, p.431-434; I d e m . Languages of Nuristan and Surrounding Regions. — In: Cultures of the Hindukush. Wiesbaden, 1974, p.6 sq.

- 11 Количество работ об арийцах в Передней Азии огромно. Полная библиография, составленная М.Майрхофером, включает более 300 названий. См., например, И в а н о в В. В. О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах II тысячелетия до н.э. - В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968; D u m o n t P. Indo-Aryan Names from Mitanni, Nuzi and Syrian Documents. - JAOS, 1947, v. 67; B r a n d e n s t e i n W. Die alten Inder im Vorderasien und die Chronologie des Rigveda. Wien, 1948; T i e m e P. The Aryan Gods of the Mitanni Treaties. - JAOS, 1960, v. 80, N 4; H a u s c h i l d R. Über die frühesten Arier im alten Orient. Berlin, 1962; M a y r h o f e r M. Die Indo-Arier in alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.
- 12 E b e l i n g E. Bruchstücke einer mittellassyrischen Vorchriftensammlung für die Akklimatisierung und Trainierung von Wagenpferden. Berlin, 1951; S a l o n e n A. Hippologica accadica. Helsinki, 1956; K a m m e n h u b e r A. Hippologia Hethitica. Wiesbaden, 1961.
- 13 K a m m e n h u b e r A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.
- 14 Д ъ я к о н о в И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. - ВДИ, 1970, № 4.
- 15 M a y r h o f e r M. Die Arier im Vorderen Orient - ein Mythos? Wien, 1974.
- 16 M o o r e y P. Pictorial Evidence for the History of Horseriding in Iraq before the Kassite Period. - "Iraq", 1970, v. XXXII, n 1.
- 17 С м и р н о в К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. - СА, XXII, 1957; О н ж е. Археологические данные о древних всадниках Поволжско=Уральских степей. - СА, 1961, № 1; К у з ь м и н а Е. Е. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке. - В кн.: У Всесоюзная сессия по Древнему Востоку. Тбилиси, 1971; О н а ж е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. - ВДИ, 1974, № 4; О н а ж е. Распространение коневодства и культя коня; К у з ь м и н а Е. The Earliest Evidence of Horse Domestication and Spread of Wheeled Vehicles in Connection with the Problem of Time and Place of Formation of Indo-European Unity. - In: VIII Congres international des sciences préhistorique et protohistorique. Belgrade, 1971.
- 18 Е. Е. К у з ь м и н а. Колесный транспорт ..., с.82. Этот вывод поддержал Н.Н.Чередниченко (Основные этапы развития конской узды в Евразии в середине II - начале I тыс. до н.э.), с.80.

- 19 Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. - МИА, № 60, 1959, с.236, рис.13,6.
- 20 Череди́ченко Н. Н. Колесницы..., с.139, рис.5,6.
- 21 Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, рис.13,2.
- 22 Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с.224, рис.50,3.
- 23 Галкин Л. Л., Ким М. К., Ледяйки В. И., Мельник В. И., Хренов А. А. Исследования в Среднем Заволжье. - АО 1975 г. М., 1976, с.167.
- 24 Busvagli M. The "Frontal" Representation of the Divine Chariot. - EW, 1955, VI; Anati E. Bronze Age Chariots from Europe. - PPS, NS, XXVI, 1960.
- 25 Anati E. Bronze Age Chariots ...; Powell T. Some Implications of Chariotry. - In: Culture and Environment. Essays in Honor of Sir C.Fox. London, 1963; Sanders N. Prehistoric Art in Europe. Harmondworth, 1968; Glob P. The Mound People. London, 1974.
- 26 Vizdal S. Erste bildliche Darstellung einer Zweirädrigen Wagens vom Ende der Mittleren Bronzezeit in der Slowakei. - "Slovenska archeologia", 1972, XX; 1, s. 233, Abb. 1 (сосуд из Больших Рошковцев).
- 27 Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, табл.97,1 (сосуд из Дилижана). Позднебронзовым веком датируется изображение колесницы на стенке каменного ящика могильника у с. Береклей каякентской культуры (Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе. - КСИИМК, У, 1940, с.68, рис.12; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с.95, рис.39,2).
- 28 Sankalia N., Ansari Z., Dhavalikar M. An Early Farmers Village in Central India. - "Expedition", 1975, v. 17, n 2, fig. 1 (сосуд из Инамгаона с изображением бычьей повозки). Обращает на себя внимание факт распространения в Индии не переднеазиатской, а североевразийской манеры изображения колесного транспорта.
- 29 Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт ..., с.82; Она же. Цивилизации Древнего Востока и культура евразийских степей (в печати).
- 30 Генинг В. Ф., Ашихмина Д. И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта. - АО 1974 г. М., 1975, рис. на с.145.
- 31 Дьяконов И. М. История Мидии, с.184 (рецензию Э.А. Грантовского см.: СВ, 1958, № 3, с.155); Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов. - В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960; Дьяконов М. М. Очерк истории древ-

- него Ирана, с.60-62; История таджикского народа, с.143-147; Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.: Древняя Индия, с.162-176; Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1972, с.57-61; Гафуров Б.Г. Таджики, с.54-57; Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит, с.17,18; Елизаренкова Т.Я. Ригведа; Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique.- JA, 1932, CCXXI; Idem. Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales. - JA, 1938, CCXXX; Dimézil J. La préhistoire indo-iraniennes des castes. JA, 1930, CCI, p. 109-130.
- 32 Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1963.
- 33 Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит, с.18.
- 34 В созданных Заратуштрой Гатах сохранены древнеиранские обозначения для общинников и жрецов, но термин "колесничий" заменен словом "всадник"- *bāsar* (Benveniste E. Les classes..., p.122-124), не употребляемым в других частях Авесты. Поскольку Гаты составлены Заратуштрой значительно позднее сложения древнейших частей Авесты (предположительно - в начале I тысячелетия до н.э.), это лишнее подтверждает, что первоначально у индоиранцев была распространена колесничная тактика боя и только в начале I тысячелетия до н.э. появилось всадничество. Та же картина прослеживается в Индии: в Ригведе и Махабхарате содержится множество упоминаний о колесницах, а верховая езда отмечена всего несколько раз (Кальянов В.И. Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе. - В кн.: Махабхарата, кн.4. Л., 1967, с.136-160; Kane P. History of Dharmasāstra, Poona, 1946, p.200-205; Puskalker A. Horse in Protohistoric India.- In: Munshi Indological Felicitation Volume. Bombay, 1963; Соошарасвами А. Horse-riding in the Rgveda and Atharvaveda. - JAOS, 1942, v.62).
- 35 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с.242,243.
- 36 Слово "царь" восходит к индоевропейскому "проводить границу" (Герценберг Л.Г. Морфологическая структура ..., с.60). Но главная функция царя - охрана границ, война (Winter W. Some Wide-Spread Indo-European Titles.- In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970, p.49-54).
- 37 Benveniste E. Les classes..., p.359; Bailey H. Languages of the Saka. - In: Jahrbuch der Orientalistik. Iranistik Linguistik. Leiden, 1958, S.134.
- 38 Пуруша - это персонафицированная модель вселенной, члены его тела соотносятся с разными частями мироздания. Его индоевропейская параллель - Йимир (Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976).

- 39 *Benveniste E. Les classes...*, p.118-121; *Christensen A. Les Kayanides*, pt.II. Kobenhavn, 1931, p.46. По другим (более поздним) традициям три сословия были созданы Брахмой, Заратуштрой, мудрецом Ману (или несколькими мудрецами Риши) или тремя сыновьями Заратуштры и Ману.
- 40 *Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva - "конь". - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974; Dumonde P. L'Ashvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le cult védique. Paris, 1927.*
- 41 *Dumézil J. Ritual Indo-Européens a Rome. Paris, 1954; Puhvel J. Vedic aśvamedha and gaulisch iipomidvos.- "Linguage", 1955, v.31; Le Roux F. Recherches sur les éléments rituels de l'élection royale irlandaise et celtique. - "Ogam", 1963, v.XV.*
- 42 Подробнее см.: *Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства ...*
- 43 *Грантовский Э. А. Индоиранские касты ...; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия, с.164.*
- 44 *Dumézil J. Jupiter, Mars, Quirinus. Paris, 1941, p.66,69; Idem. Mythe et épopée. Paris, 1968.*
- 45 *Christensen A. Les types*, p.136; *Dumézil J. La préhistoire ...; Грантовский Э. А. Индоиранские касты ...; Кузьмина Е. Е. Рец.: О. А. Вишневецкая. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в УП-У вв. до н.э. М., 1973. - СА, 1975, № 2, с.291,292. В свете работ по реконструкции общих индоиранских социальных институтов вызывает изумление традиционный взгляд некоторых исследователей на скифское общество как на крайне архаичное, в котором процессы классовобразования едва начались (см., например: Хазанов А. М. Общественный строй скифов. М., 1976, где практически не использованы данные индоевропеистики, скифского языка и ономастики, а также материалы по погребальному обряду для социальных реконструкций).*

Список сокращений

АО	- Археологические открытия
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ	- Археология и этнография Башкирии
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
ВДИ	- Вестник древней истории
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ИА	- Институт археологии АН СССР
ИАК	- Известия Археологической комиссии
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	- Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАР	- Материалы по археологии России
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СВ	- Советское востоковедение
СТАИМК	- Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СОАН	- Сибирское отделение АН СССР
ТСАРАНИОН	- Труды Секции археологии Российской ассоциации научных исследований общественных наук
ESA	- Eurasia Septentrionalis Antiqua
EW	- East and West
JA	- Journal Asiatique
JAOS	- Journal of American Oriental Society
JRAS	- Journal of the Royal Asiatic Society
PPS	- Proceedings of Prehistoric Society

ПРИЛОЖЕНИЕ

Спектральный анализ металлических изделий Новокумакского кургана 25

Лабораторный №	Предмет	Новый Кумак, 1973 г.	Cu	Sn	Pb	Zn
I3517	Нож	кн.25 п. II	осн.	0,003	0,0015	1,2
I3518	Тесло	кн.25 п.8	осн.	0,0035	0,002	0,05

Лабораторный №	Предмет	Новый Кумак 1973 г.	Bi	Ag	Sb	As
I3517	Нож	кн.25 п. II	-	0,005	-	0,2
I3518	Тесло	кн.25 п.8	-	0,025	0,005	0,3

Лабораторный №	Предмет	Новый Кумак 1973 г.	Fe	Ni	Co	Au
I3517	Нож	кн.25 п. II	0,08	0,05	0,002	0,001
I3518	Тесло	кн.25 п.8	0,35	0,05	?	0,001

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	5
Г л а в а I . Комплекс Новокумакского кургана 25	8
Г л а в а II . Памятники новокумакского типа в Приуралье и Казахстане	19
Г л а в а III . Хронологическое соотношение культур эпо- хи бронзы евразийских степей	26
Г л а в а IV . Новокумакский хронологический горизонт - ранний этап андроновской культуры	34
Г л а в а V . Абсолютная хронология памятников новоку- макского горизонта	40
Г л а в а VI . Новокумакский комплекс и проблема этниче- ской принадлежности и социальной структуры андроновского общества	51
П р и м е ч а н и я	58
С п и с о к с о к р а щ е н и й	80
П р и л о ж е н и е	81

**Константин Федорович
Смирнов
Елена Ефимовна
Кузьмина**

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОИРАНЦЕВ
В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ОТКРЫТИЙ**

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

**Редактор издательства
Н.И. Сергиевская**